Последний Намсара. Боги света и тьмы

Автор:
Кристен Сиккарелли

Последний Намсара. Боги света и тьмы

Кристен Сиккарелли

Бунтарки. FantasyПоследний Намсара #1

Седой Ольн был одинок. И потому сотворил себе двух спутников. Он создал первого из небесной синевы и чистого эфира и назвал его Намсара. Для второго спутника Седой Ольн взял кровь и лунный свет и назвал Искари. Если Намсара нес смех и любовь, Искари приносила лишь разрушение и смерть. Она умоляла Седого Ольна изменить ее. Но когда он отказал ей, Искари решила убить верховного бога. За попытку лишить его жизни, Ольн сослал Искари в пустыню, где она бродила неприкаянной, пока не погибла от невыносимого одиночества…

Это были всего лишь легенды, которые Аша, дочь правителя Фиргаарда, слышала с детства, рисуя в воображении запретные образы прошлого. Так было до тех пор, пока судьба не вынудила Ашу примерить роль Искари на себя и стать самой жестокой и беспощадной охотницей на драконов на земле.

Теперь Аше предстоит узнать, способна ли она открыть собственную душу любви и свету или, как истинная Искари, она обречена на вечное одиночество.

Кристен Сиккарелли

Последний Намсара. Боги света и тьмы

Kristen Ciccarelli

THE LAST NAMSARA

Copyright © 2017 by K. Ciccarelli

© Е. Сурская, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Джо, другу, возлюбленному, пределу всех моих мечтаний

1

Аша выманивала дракона древним напевом.

Он был старше гор, что вздымались за спиной, и Аше пришлось выуживать его из глубин своей памяти, где тот долгое время дремал в бездействии.

Она терпеть не могла делать подобное. Использовать такие напевы было запрещено и даже смертельно опасно. Но ее невольники-звероловы крались за этим драконом по каменистым низовьям вот уже десять дней, и все съестные припасы у них закончились.

Перед ней стоял выбор: вернуться в город без дракона либо нарушить запрет отца.

Ни разу Аша не возвращалась домой без добычи, не собиралась и в этот раз. В конце концов, она – Искари, а значит, должна выполнить задание.

Вот поэтому она и затянула напев.

Тайно.

Пока невольники-звероловы думали, что она точит свой боевой топор.

И дракон появился. Извиваясь, он выполз из-под золотисто-красной насыпи – коварное, опасное животное, раза в три крупнее лошади. Песок сыпался с его спины словно водопад, обнажая тускло-серую чешую, напоминавшую цветом окрестные скалы.

Колотя по земле раздвоенным хвостом, дракон завис над Ашей, вперив взгляд узких глаз в девчонку, что посмела его призвать, ту, которая задурманила напевом.

Аша свистнула, подавая сигнал невольникам-звероловам укрыться за щитами, а затем махнула лучникам. Дракон провел ночь, зарывшись в холодный песок пустыни; солнце только-только взошло, и его тело еще недостаточно согрелось, чтобы он мог взлететь.

Дракон был беспомощен, как севший на мель корабль. А когда такое существо попадает в ловушку, оно бьется еще ожесточеннее.

Левой рукой Аша сжимала овальный щит, а правой потянулась к метательному топору, висевшему на поясе. У ее колен волнами расстилался сухой ковыль; дракон кружил вокруг в ожидании, когда она опустит щит.

Это была его первая ошибка. Аша никогда не опускала щит.

Вторым промахом стало решение обдать ее струей пламени.

Аша не боялась огня с того самого дня, когда Первый Дракон наградил ее ужасными шрамами, обезобразившими всю правую сторону тела. Сейчас она с головы до пят была укрыта огнеупорными доспехами, сделанными из шкур убитых ею драконов. Дубленая кожа, скрепленная пряжками, тесно прилегала к телу, а ее любимый шлем – с черными шипами, имитирующими драконий гребень, – защищал от огня.

Зверь разразился пламенем, но она держала щит над головой, пока огненная струя не иссякла. Дыхание дракона прервалось. Аша опустила щит. У нее в запасе ровно сто ударов сердца, прежде чем легкие зверя вновь наполнятся отравой и он сможет снова изрыгнуть огонь. Нужно убить его до того, как это произойдет.

Аша отстегнула пряжку и высвободила топор. Край изогнутого лезвия поймал луч утреннего солнца. Деревянная рукоятка с годами отполировалась и теперь удобно лежала в ее ладони, в изуродованных пальцах.

Дракон зашипел.

Аша прищурилась. «Пора с тобой покончить».

Он не успел приблизиться, как она прицелилась и метнула топор – прямо в его бьющееся сердце. Лезвие вошло в плоть, и дракон взвыл. Он бился и размахивал хвостом, взметая волны песка, а из раны на груди хлестала кровь. В бессилии лязгая зубами, зверь не сводил с нее горящих яростью глаз.

Какое-то движение сбоку отвлекло внимание Аши. Она обернулась и увидела свою кузину Сафиру. Та воткнула в песок древко обоюдоострой алебарды и замерла, не в силах отвести взгляд от корчившегося в муках и ревущего дракона. Ее короткие темные волосы спускались прямыми прядками до подбородка, подчеркивая выразительные скулы, а на лице проявился синяк.

– Я велела тебе не выходить из-за щитов, – рявкнула Аша. – Где твой шлем?

– В нем я ничего не вижу. Оставила у невольников.

Сафира была в защитной кожаной одежде, сшитой наспех Ашей; руки защищали перчатки, которые та ей отдала. Сшить вторую пару Аша не успела.

Дракон, истекающий кровью, полз по песку в ее сторону. Чешуя его поблекла. Он хрипел и со свистом выдыхал воздух.

Аша потянулась за алебардой. Сколько времени прошло? Она потеряла счет.

– Сафира, уходи отсюда. Отойди за щиты.

Сафира не двигалась, завороженно глядя на умирающего дракона. Его сердце билось все медленнее.

Тук-тук. Тук-тук.

Тук… тук…

Удары становились все тише.

Дракон вскинул голову и издал последний крик, наполненный ненавистью к Искари. За мгновение до того, как его сердце остановилось, из открытой пасти вырвалась длинная струя пламени.

Аша метнулась к кузине.

– Ложись!

Аша пригнулась, закрывая своим телом Сафиру, и вытянула вперед руку. Огонь прошелся по ладони и пальцам, опалив кожу. Боль пронзила все тело, но она подавила крик.

Когда пламя угасло и дракон замертво рухнул на землю, Аша повернулась к Сафире. Та стояла на коленях на песке, цела и невредима.

Аша прерывисто вздохнула. Сафира округлившимися глазами смотрела на ее руку.

– Аша… он обжег тебя.

Аша сняла шлем и поднесла ладонь к лицу. На обожженной коже вздулись пузыри. Горячая, острая боль растекалась по пальцам и пульсировала внутри. Паника охватила Искари: прошло восемь лет, с тех пор как она в последний раз попадала под драконье пламя.

Аша покосилась на невольников-звероловов, которые потихоньку опускали щиты. У них не было защитных кожаных доспехов, лишь железо: железные наконечники стрел, железные алебарды и дротики, железные ошейники вокруг шей. Все их взгляды сосредоточились на драконе. Они не видели, как он обжег Искари. Хорошо: чем меньше свидетелей, тем лучше.

– Драконий огонь смертельно опасен, Аша. Тебе нужно обработать ожог.

Аша кивнула. Вот только она не взяла с собой ничего против ожогов. Никогда раньше ей это было не нужно. Делая вид, будто ничего не произошло, она направилась за своей котомкой.

– Я думала, они больше не изрыгают пламя, – тихо произнесла Сафира за ее спиной.

Аша застыла на месте.

«Они не изрыгают пламя без напевов».

Сафира поднялась и отряхнула пыль с одежды. Послушно избегая глядеть Аше в глаза, она спросила:

– Почему они снова начали?

Аша вдруг пожалела, что загородила собой кузину. Но не сделай она этого, та вряд ли отделалась бы синяками на лице. Все было бы гораздо хуже.

За два дня до охоты Аша обнаружила Сафиру, которая отбивалась от солдат в углу своей комнаты. Как они смогли проникнуть туда без ключа, она могла только догадываться.

Когда Аша вошла, солдаты запаниковали в страхе перед Искари и бросились врассыпную. Но что делать дальше? Она целыми днями пропадает на охоте; Дакс, брат Аши, все еще ведет переговоры о мире в Редколесье вместе с командующим Джареком. В ее отсутствие за кузиной-полукровкой некому присмотреть. И Аша взяла Сафиру с собой.

Ибо если что-то и может быть хуже возвращения домой без добычи, так это возвращение Сафиры в лазарет.

Молчание Аши не остановило настойчивую кузину.

– Вспомни дни, когда ты покидала дворец на рассвете, а к обеду уже приносила голову дракона. Куда ушло то время?

От боли у Аши начала кружиться голова, сознание мутилось.

– Возможно, раньше все доставалось чересчур легко, – произнесла она наконец и свистнула невольникам, чтобы те приступали к разделыванию туши. – А может, я предпочитаю трудности.

Это правда: с годами число драконов уменьшилось, и добывать драконьи головы для отца Аше становилось все труднее. Поэтому она и обратилась к древним напевам, которые действовали на драконов так же, как сокровища – на людей. Ни один не мог устоять, когда слышал их.

Но напевы не просто привлекали драконов. Они прибавляли им сил, а значит, вызывали огонь. Там, где произносились вслух древние напевы, появлялись драконы, а вместе с ними – разрушение, обман, пожары и ожоги. Аша знала это лучше, чем кто-либо другой: доказательство было у нее на лице.

Вздохнув, Сафира прекратила расспросы.

– Обработай ожог, – сказала она и направилась к возвышающейся в песке туше, даже не захватив алебарду.

Пока невольники не приступили к работе, Сафира обошла дракона кругом, внимательно разглядывая его. Припыленная серая чешуя помогала зверю отлично маскироваться на фоне гор, гладкие рога и шипы цвета слоновой кости были безупречны, без единой трещины или отломанного кусочка.

Аша попыталась согнуть обожженные пальцы, но острая боль заставила ее сжать зубы. Пейзаж вокруг поплыл, превращаясь в смазанную картинку: красный песок, бледно-соломенные пятна ковыля, груды серых камней. Они

стояли на перешейке между плоской пустыней, расстилающейся на западе, и мрачными скалистыми горами на востоке.

– Он красивый! – крикнула Сафира.

Аша силилась разглядеть фигуру кузины, которая начала расплываться вместе со всем остальным миром. Она закрыла глаза, тряхнула головой, но это не помогло. Аша качнулась и ухватилась за алебарду.

– Твой отец будет доволен, – голос кузины звучал гулко, как из колодца.

«Если бы только отец знал правду», – с горечью подумала Аша.

Мысленно она пыталась остановить вращающийся пейзаж, крепко держась за алебарду и пристально всматриваясь в кузину. Сафира прохаживалась между невольниками, которые освежевывали сверкающими ножами тушу дракона.

Аша заметила, как кузина схватилась за рукоятку топора, торчащего из его груди. Она услышала булькающий звук, с которым топор выдрали из плоти, и то, как тихо полилась на песок его кровь, густая и липкая. Но увидеть это она уже не смогла: глаза заволокло белой пеленой.

– Аша! Что случилось?

Аша прислонилась лбом к прохладной стали обоюдоострого лезвия. Скрюченными пальцами здоровой кисти, словно когтями, она вцепилась в железное древко и пыталась отогнать дурноту.

«Странно… должно пройти больше времени, прежде чем это начнется…»

Песок заскрипел под чьими-то торопливыми шагами.

– Аша, что с тобой?

Земля заходила ходуном, и Аша почувствовала, что падает. Не раздумывая она шагнула к кузине-полукровке, к той, которая по закону не имела права ее касаться.

Сафира втянула воздух и отступила назад, увеличив расстояние между ними. Аша попыталась удержаться на ногах, но не смогла и рухнула на песок.

Взгляд Сафиры скользнул в сторону невольников-звероловов. Аша прекрасно понимала, что та страшится не ее гнева, а их осуждения, но это все равно ее задело.

Все невольники судачат и шепчутся за спиной хозяев. Ее кузина знала это не понаслышке. Сплетни погубили родителей Сафиры. И прямо сейчас они обе были в окружении толпы невольников, которые знали, что Сафире нельзя ни дотрагиваться до Искари, ни смотреть той в глаза. Все из-за скралльской крови, текущей в ее венах.

– Аша…

Неожиданно дурнота отпустила, и все вернулось на свои места. Аша заморгала. Под коленями скрипел песок. До самого горизонта тянулась каменистая низменность – огромное золотисто-красное пятно под бирюзовым небом. А прямо перед ней лежал убитый дракон, настоящий серый дракон, прекрасный, безмолвный и мертвый.

Сафира опустилась рядом, очень близко.

– Не надо, – сказала Аша резче, чем хотела. – Я в порядке.

Стиснув зубы и морщась от жгучей боли в руке, она поднялась и сделала несколько неуверенных шагов. Отрава драконьего огня не может действовать так быстро. Это обезвоживание, вот и все. Нужно просто выпить воды.

– Тебе вообще не следовало ехать на охоту, – в голосе Сафиры звучало беспокойство. – Через семь дней у тебя помолвка. Тебе нужно готовиться к ней, а не убегать прочь.

Аша пошатнулась. Несмотря на пылающую от жара руку и лучи восходящего солнца, согревающие кожу, ее передернуло от холода.

– Я ни от чего не убегаю, – хмуро бросила она, вглядываясь в виднеющуюся вдали полоску зелени.

Расселина. Лишь там Аша чувствовала себя свободной.

Повисла тишина, прерываемая лязгом затачиваемых ножей. Сафира медленно приблизилась и встала за спиной.

– Я слышала, сейчас модно дарить сердце дракона, – сказала она, и Аше послышались нотки иронии в ее голосе, – особенно по случаю помолвки.

Аша сморщила нос при мысли об этом. Она склонилась над своей походной котомкой, брошенной в стороне, и вытащила оттуда бурдюк с водой. Пока она жадно пила, Сафира стояла рядом.

– Красная луна идет на убыль, Аша. Через семь дней новолуние. Ты вообще думала о подарке?

Аша резко выпрямилась и хотела уже поставить кузину на место, но мир перед глазами вновь поплыл. Усилием воли она заставила себя сосредоточиться.

Конечно, Аша думала об этом. Она поднимала глаза в небо, смотрела на огромный, жуткий диск луны, с каждым днем становившийся все тоньше, и в голове тут же возникали мысли о подарке, помолвке и о том молодом человеке, которого она скоро назовет своим супругом.

«Супруг» – слово тяжелым камнем опустилось ей на сердце.

– Давай же, – слегка улыбнулась Сафира, блуждая взглядом по вершинам холмов. – Окровавленное сердце дракона – разве можно представить лучший подарок для мужчины, у которого нет своего собственного?

Аша покачала головой.

– Тебе обязательно быть такой противной?

Улыбка Сафиры расползлась еще шире. Вдруг за ее плечом, где-то вдали, взметнулось и покатилось в их сторону золотисто-красное пылевое облако.

Первой мыслью Аши было отдать приказ невольникам немедленно укрыться от песчаной бури, но затем она здраво рассудила, что вокруг них не пустыня, а каменистые низменности. Аша прищурилась и разглядела в облаке пыли двух лошадей, мчащихся к месту их охоты. Одна лошадь оказалась без седока; другая несла человека, закутанного в накидку из грубой овечьей шерсти, покрытую карминовым налетом от взметаемой копытами пыли. На шее у него сверкал золотой ошейник – отличительный знак дворцовых невольников.

Когда всадник приблизился, Аша спрятала руки за спиной. Пыль и песок улеглись, и она увидела пожилого невольника, натягивающего вожжи разгоряченной лошади. Его лоб взмок, к вискам прилипли завитки седых волос. Он щурился от солнца, избегая смотреть Аше в глаза.

– Искари, – задыхаясь, произнес он, уставившись на конскую гриву, – тебя хочет видеть отец.

– Он выбрал идеальный момент, – Аша сжала за спиной руки. – Вечером я принесу ему голову этого дракона.

Не поднимая глаз, невольник покачал головой.

– Ты должна вернуться во дворец прямо сейчас.

Аша нахмурилась. Король драконов никогда не прерывал охоты.

Она взглянула на лошадь без седока. Это была Леандра, ее собственная кобыла. Гнедые бока лоснились от пота, белая звездочка на лбу запорошена красным песком. Узнав хозяйку, она нервно вскинула голову.

– Я могу проследить, чтобы здесь все закончили, – предложила Сафира.

Аша повернулась к кузине. Сафира не посмела взглянуть ей в лицо. Только не под пристальным вниманием королевского невольника.

– Встретимся дома, – кивнула Аша.

Сафира развязала тесемки на перчатках и стянула их.

– Не нужно было мне их отдавать, – тихо сказала она, протягивая их Аше. – Поезжай.

Не обращая внимания на боль, Аша натянула перчатки: невольник отца не должен видеть ее ожог. Схватив вожжи, она вскочила в седло; Леандра радостно заржала и встала под ней на дыбы. Аша успокоила лошадь и, слегка ударив пятками по бокам, пустила ее галопом.

– Я сохраню сердце для тебя! – крикнула Сафира вслед клубам красной пыли, скрывшим Ашу. – На случай если ты передумаешь!

В начале начал…

Седой Ольн был одинок. И потому он сотворил себе двух спутников. Он создал первого из небесной синевы и чистого эфира и назвал его Намсара. Намсара был золотым ребенком. Когда он смеялся, в его глазах зажигались звезды. Когда он танцевал, прекращались все войны. Когда он пел, исцелялись все недуги. Само его существование было иглой, сшивающей ткань мира.

Для второго спутника Седой Ольн взял кровь и лунный свет. Он назвал ее Искари. Искари была печальным ребенком. Если Намсара нес смех и любовь, Искари приносила разрушение и смерть. Когда Искари разгуливала по миру, люди прятались в домах и вздрагивали от страха. Когда она заговаривала, они рыдали. Если она выходила на охоту, то никогда не промахивалась мимо цели.

Природа Искари причиняла ей такую боль, что она умоляла Седого Ольна изменить ее. Она ненавидела свою сущность и хотела больше походить на Намсару.

Когда Седой Ольн отказал ей, Искари спросила: почему? Почему ее брату суждено создавать, когда она только разрушает?

– Миру нужна гармония, – был ответ Седого Ольна.

В бешенстве Искари покинула верховного бога и отправилась на охоту. Она охотилась целыми днями. Дни превратились в недели. По мере того как внутри Искари росла ярость, ее жажда крови становилась неуемной. Она убивала, не испытывая ни малейшей жалости, и постепенно ненависть заполнила все ее существо. Она ненавидела брата за то, что тот настолько счастлив и всеми любим. Она ненавидела Седого Ольна за то, что он так все устроил.

И потому в очередной раз, когда Искари вышла на охоту, она выбрала своей жертвой самого верховного бога.

Это было ужасной ошибкой.

Седой Ольн свалил ее с ног ударом такой силы, что на ее теле остался шрам, глубокий и длинный, как горная цепь Расселины. За попытку забрать его жизнь он лишил Искари бессмертия, содрав его словно шелковые одежды. А чтобы она могла искупить вину, он проклял ее имя и сослал в пустыню, где она должна была бродить в одиночестве, преследуемая колючими ветрами и сухими песчаными бурями.

Искари должна была иссохнуть под палящим солнцем, окоченеть под покровом морозной ночи. Но ее не смогли убить ни жара, ни холод. Это сделало невыносимое одиночество.

Намсара исходил всю пустыню в поисках Искари. Небо переменилось семь раз, прежде чем он увидел на песке ее тело. Солнце сожгло ее кожу, стервятники выклевали глаза.

При виде бездыханной сестры Намсара рухнул на колени и зарыдал.

2

После охоты Аша обычно принимала ванну. Смыть с себя кровь, песок, пот и усталость – что может быть приятнее? Этот ритуал помогал ей вернуться из дикого и сурового мира за стенами дворца к прежним будням дочери короля драконов, к жизни, которая цепко держала ее в объятиях и, словно тугой пояс,

не давала лишний раз вздохнуть.

Однако сегодня Аша изменила привычке. Несмотря на срочный призыв отца, она не пошла к нему сразу, а, пропустив охранников вперед, проскользнула за их спинами в лазарет, где хранились лечебные снадобья. В помещении с выбеленными стенами пахло известкой. Солнечный свет лился из открытых дверей, ведущих на террасу, и ложился широкими дорожками на цветочные орнаменты мозаичного пола. Его блики играли на рыжих терракотовых горшках, расставленных по полкам, окрашивая их в золотые и песочные тона.

Здесь восемь лет назад она очнулась после нападения Кодзу, Первого Дракона. Аша помнила все в мельчайших подробностях: вот она лежит на лежанке, все тело в бинтах, на груди тяжесть, будто ее придавило каменной глыбой, а в голове бьется единственная мысль – она совершила что-то ужасное и непоправимое.

Отогнав прочь воспоминания, Аша прошла сквозь входную арку. Она отстегнула доспехи, сняла перчатки, бросила все в кучу на пол и положила сверху топор.

Драконий огонь был опасен не только тем, что выжигал плоть до костей. Он был ядовит, и даже незначительный ожог мог привести к смерти, если не обработать его как следует или сделать это слишком поздно. Серьезные ожоги, наподобие тех, что изуродовали Ашу восемь лет назад, требовали немедленного лечения, и даже в этом случае шансы выжить были невелики.

Аша знала рецепт лекарства, которое могло обезвредить отраву, но его нужно держать на ожоге два дня. У нее нет столько времени. Отец ждал, да и новость о ее возвращении, возможно, уже облетела дворец. У нее в запасе от силы сотня сотен ударов сердца. Но не два дня.

В поисках нужного средства Аша начала открывать дверцы больших деревянных шкафов и доставать горшки с высушенными кореньями, травами и корой. Она так торопливо заглядывала под крышки, что на мгновение забылась и схватила очередной сосуд покалеченной рукой. Острая боль пронзила ее насквозь, и горшок выскользнул из обожженных пальцев. Глиняные черепки вперемешку с бинтами разлетелись по полу.

Аша тихо выругалась и опустилась на колени. Голова кружилась от боли. Она принялась собирать осколки одной рукой и не заметила, как кто-то бесшумно присел рядом и начал помогать ей.

– Я уберу это, Искари.

От неожиданности она подпрыгнула и уставилась на склоненную голову с копной спутанных волос и серебряным ошейником, потом перевела взгляд на проворные руки, собирающие осколки. Она узнала эти длинные смуглые пальцы, усыпанные темными веснушками. Они меняли деревянные тарелки Джарека за обедом, наливали ей дымящийся мятный чай в стеклянные пиалы.

Аша напряглась. Если слуга ее жениха во дворце, значит, тот тоже здесь. Должно быть, Джарек вернулся из Редколесья, куда король отправил его приглядывать за Даксом во время переговоров. Может, поэтому отец ее вызвал?

Неожиданно руки невольника замерли. Аша заметила, как он смотрит на ее ожог.

– Искари, – нахмурился он, – тебе нужно обработать рану.

Раздражение вспыхнуло в Аше как костер, в который подбросили дров. Разумеется, ей нужно обработать ожог. Она давно бы этим занялась, если бы не была столь беспомощна.

А еще ей нужно, чтобы этот невольник держал язык за зубами. Слуги Джарека часто шпионили за его врагами. Если Аша отпустит его, он может побежать к своему хозяину и все ему рассказать. И если об этом узнает Джарек, узнает и отец.

Едва король услышит про ожог, как сразу поймет, что она нарушила запрет и использовала древний напев, что она все та же непослушная и испорченная девчонка, как и раньше.

– Только попробуй проболтаться кому-нибудь, скралл, – и мое лицо будет последним, что ты увидишь в этой жизни, падая на колья волчьей ямы!

Губы юноши сжались в узкую полоску, взгляд опустился на плитки пола. Он молча разглядывал причудливый мозаичный орнамент: на полу переплетались узоры из намсар – редких цветов пустыни, исцеляющих любые недуги.

– Прошу прощения, Искари, – наконец произнес он, вновь взявшись за осколки, – но я не обязан подчиняться твоим приказам. У меня свой хозяин.

Аша едва не схватилась за топор, лежащий на груде доспехов. Но что дальше? Она может припугнуть невольника, но тогда он точно в отместку выдаст ее секрет. Уж лучше подкупить.

– А если я одарю тебя за молчание?

Пальцы слуги замерли над черепками.

– Чего ты хочешь?

Уголки его рта слегка скривились в ухмылке, но он ничего не ответил, и Аше стало не по себе.

– Я не могу ждать весь день, – вдруг почувствовав слабость, произнесла она.

– Верно, – кивнул он, и улыбка медленно сползла с его лица, – не можешь.

Ее начала бить мелкая дрожь: отрава постепенно расползалась по телу.

– Позволь мне подумать, пока ты обрабатываешь ожог.

Аша отвернулась к полкам, оставив скралла убирать беспорядок. Лихорадка начала не на шутку ее тревожить. Наконец, сняв крышку с очередного горшка, она нашла то, что искала: золу от сожженных костей драконов.

Сама по себе эта зола тоже была смертельно опасна, только действовала иначе, чем драконий огонь. Вместо того чтобы заражать ядом, она высасывала из тела все соки. Аша ни разу не видела, как это происходит, но помнила легенду, в которой одна королева драконов захотела преподать своим врагам урок. Она пригласила их во дворец и встретила с особыми почестями, как самых дорогих

гостей. Каждый вечер она подсыпала драконью золу им в яства, а утром того дня, когда они должны были уехать, их нашли мертвыми в своих постелях. Их тела были высушены и точно выскоблены изнутри, словно кто-то высосал из них всю жизнь.

Но, несмотря на опасное действие, в правильных пропорциях с целебными травами драконья зола была единственным средством против драконьего огня, именно благодаря своему свойству выводить яды. Аша отмерила нужное количество.

Хороший невольник отличается тем, что умеет предугадывать желания хозяина, а Джарек всегда стремился заполучить лучших слуг. Поэтому, пока Аша здоровой рукой неловко смешивала в ступке все части лекарства, превращая их в густую дымящуюся мазь, скралл Джарека рвал на бинты льняное полотно.

– Где он? – спросила Аша, торопливо дуя на массу в ступке. Ей не нужно было называть имя Джарека: слуга и так знал, кого она имеет в виду.

– Спит после чаши вина.

Он внезапно перестал рвать ткань и пристально вгляделся в руку Аши, придерживающую ступку.

– Думаю, мазь остыла, Искари.

Она проследила за его взглядом. Руки отказывались слушаться. Она бросила ложку и подняла трясущиеся ладони к лицу.

– Чересчур мало времени…

Невольник спокойно забрал у нее ступку.

– Сядь, – сказал он, кивнув головой в сторону стола, словно теперь он был ее хозяином и она должна подчиниться.

Аше не понравился тон слуги. Но еще меньше ей нравилась жестокая лихорадка, терзающая все тело. Она тяжело взгромоздилась на стол, опершись здоровой

рукой и вытянув вперед больную. Скралл зачерпнул полную ложку черной густой мази и начал осторожно смазывать обожженные пальцы и ладонь.

От боли Аша зашипела сквозь стиснутые зубы. Невольник остановился, но она кивнула, чтобы тот продолжал. Отвратительный запах горелых костей наполнил комнату, и почти сразу же она почувствовала, как действует снадобье: жар потихоньку спадал, боль утихала.

– Лучше? – спросил он, зачерпывая еще лекарства.

– Да.

Когда весь ожог был покрыт толстым слоем мази, скралл удовлетворенно кивнул и потянулся за бинтами, лежащими на столе.

Но тут оба застыли в замешательстве. Аша чуть отодвинулась, когда он склонился над ней, и одна и та же мысль промелькнула в их головах: чтобы забинтовать руку, скраллу придется к ней прикоснуться.

Если невольник прикоснется к хозяину без разрешения, его посадят в темницу на трое суток без еды. Если же он посмеет дотронуться до драксора знатного происхождения, такого как Аша, например, его еще и высекут. В редких случаях любовной связи между драксором и невольником последнего бросят в волчью яму, умирать на кольях.

Без позволения Джарека его слуга не станет к ней прикасаться, просто не посмеет.

Аша слегка шевельнулась и протянула руку к бинтам, но он отодвинул их. Потеряв дар речи, она смотрела, как медленно и очень аккуратно проворные пальцы невольника принялись обворачивать тканью ее ладонь, старательно избегая прикосновения.

Аша подняла глаза и взглянула в его слегка вытянутое, узкое лицо, усыпанное веснушками. Множество веснушек, побольше и поменьше, темные и светлые – словно звездочки на ночном небе. Он стоял так близко, настолько, что она могла почувствовать тепло его тела, вдохнуть соленый запах его кожи.

Если скралл и понял, что она его разглядывает, то не подал виду. Все время, пока он бинтовал ее раны, между ними плотной завесой стояла тишина.

Аша разглядывала его руки: крупные ладони, длинные пальцы, на подушечках мозоли. Странно: мозоли на пальцах у домашней прислуги?

– Как это случилось? – спросил невольник, едва не подняв голову и не посмотрев ей в лицо, но вовремя остановился и взял еще несколько узких полосок ткани.

«Что ему ответить?

Я разбудила дракона древним напевом.

Интересно, знают ли скраллы о связи между древними напевами и драконьим огнем?»

Аша не стала произносить этого вслух. Хотя все эти годы она честно пыталась исправить ошибки прошлого, ни одна живая душа даже не догадывалась о том, что она так и не смогла побороть свою природу. Внутри нее скрывался твердый стержень, и если бы кто-нибудь заглянул в ее душу, то увидел бы, как ее верно отражает внешность, отталкивающая и устрашающая.

«Я вела тайный напев про Искари и Намсару».

От богини Искари Аша и получила свой титул. Теперь он означал «забирающий жизни». Имя Намсары тоже изменило свое значение. Так назывались целебные цветы, изображенные на плитках пола в этой комнате, и еще один титул, венчающий того, кто сражается за благородное дело: за свое королевство или свои идеалы. При слове «Намсара» воображение сразу рисовало образ героя.

– Я убила дракона, – наконец произнесла Аша, – и, умирая, он успел меня обжечь.

Повязка была готова; скралл потянул за концы бинтов, чтобы сделать узел, как вдруг его пальцы скользнули к запястью Аши, словно он напрочь забыл, кто она такая.

От этого прикосновения она с шумом втянула в себя воздух. Слуга понял, что натворил, и замер. С языка Аши уже готов был сорваться грозный окрик. Но он опередил Искари и очень тихо спросил:

– Каково это?

Будто ее раны волновали его больше собственной жизни.

Будто он совсем ее не боялся.

Окрик замер на губах Аши. Она разглядывала его пальцы на своем запястье. Вопреки ожиданиям эти теплые пальцы не дрожали и касались ее вовсе не робко, а уверенно и твердо.

Неужели ему не страшно?

Аша не ответила, и тогда скралл совершил поступок куда хуже. Он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Когда их взгляды встретились, Искари захлестнула горячая волна дрожи, а тело словно пронзил остро отточенный клинок. Он должен отвернуться. Но слуга продолжал смотреть в ее черные, как у матери, глаза, а затем скользнул взором по извилистому, неровному шраму на ее лице – по щеке, вниз к подбородку, а затем к шее, пока его не остановил воротник рубахи.

Аша привыкла, что люди всегда обращали внимание на ее обезображенное лицо. Дети пялились и показывали пальцем, но большинство в страхе отводило глаза, едва завидев шрам. Однако этот невольник и не думал робеть. Он внимательно разглядывал Ашу, как если бы та была диковинным ковром, а он не хотел пропустить ни единой ниточки в его узоре.

Аша знала, что предстало перед его глазами. Она сама видела это каждый раз, когда смотрелась в зеркало. Сморщенная кожа, испещренная пятнами и потерявшая свой природный румянец. Ото лба к правой щеке тянется шрам, который выдернул приличный клок волос и задел кончик брови. Одно ухо потеряло естественную форму и превратилось в скопление шишковатых наростов. Изуродованными были треть ее лица, половина шеи и вся правая

сторона тела.

Однажды Сафира спросила Ашу: ненавидит ли она его? Вовсе нет, ответила Аша. На нее напал самый свирепый из ныне живущих драконов, и все же она осталась жива. Кто еще может этим похвастаться? Поэтому Аша носила свой шрам как корону.

Взгляд невольника опустился ниже шеи, как будто он представлял, как может выглядеть шрам под одеждой. Искари почувствовала, как внутри что-то оборвалось, и пелена гнева застлала ей глаза.

– Только продолжи пялиться, скралл, – прошипела она, – и скоро ты не сможешь этого делать!

Он снова ухмыльнулся, как будто Аша бросила слуге вызов и тот его принял.

В памяти всплыл прошлогодний мятеж невольников, захвативших пашни. Они взяли драксоров в заложники и поубивали всех солдат, находившихся поблизости. Джарек оказался единственным, кому удалось подавить бунт. Он проник в лагерь мятежников и лично казнил всех главарей.

Этот невольник так же опасен, как и все остальные. Аше вдруг остро захотелось иметь под рукой свой топор. Она спрыгнула со стола и, отвернувшись, шагнула к сваленной в углу куче доспехов.

– Я подумал о своем вознаграждении, – произнес скралл ей вслед.

Она обернулась. Он уже сложил лишние бинты и соскабливал остатки мази со дна ступки как ни в чем не бывало, будто и не нарушал закона.

– В обмен на молчание, – деревянная ложка упрямо скребла по терракотовым стенкам, – я хочу один танец.

Аша уставилась на невольника в изумлении.

Что?

Сначала он осмеливается взглянуть ей в глаза, а теперь требует танец?

Он что, обезумел?

Она – Искари: тот, кто носит этот титул, не танцует. Но даже если бы она и захотела, то никогда не стала бы делать это со скраллом. Что за дикость? Исключено, запрещено.

– Один танец, – повторил он, поднимая глаза.

Их взгляды вновь встретились, и от неожиданности Ашу опять взяла оторопь.

– Место и время на мой выбор.

Рука Аши привычно метнулась к бедру, но топор по-прежнему лежал на груде доспехов.

– Выбери что-нибудь другое.

– Я не хочу ничего другого, – покачал он головой, глядя на руку Искари.

– Уверена, это не так, – Аша продолжала буравить слугу взглядом.

Он посмотрел на нее в упор.

– Глупец может быть уверен в чем угодно, но это не значит, что он прав.

Ярость вспыхнула в Аше с новой силой. Ей послышалось или этот скралл только что назвал ее дурой?

В три прыжка она подлетела к доспехам, схватила топор и прижала острое сверкающее лезвие к его горлу. Если понадобится, она вырвет этот наглый голос из глотки.

Ступка выскользнула из рук невольника. Он сжал челюсти, но не отвернулся. Воздух между ними словно сгустился и задрожал. Слуга Джарека был на

полголовы выше Аши, но она привыкла справляться и с более крупной добычей.

– Не испытывай мое терпение, скралл, – процедила она, сильнее надавливая на горло.

Он опустил глаза.

Наконец-то, с этого и надо было начать.

Концом рукоятки Аша со всего размаха толкнула его в плечо, заставив отлететь на несколько шагов. Он ударился спиной о полки с горшками, с грохотом обрушив их на пол.

– Ты будешь держать язык за зубами, – зло сказала она, – потому что, если проговоришься, даже Джарек тебе не поможет.

Невольник молча разглядывал пол.

Развернувшись, Аша вышла из комнаты. Сейчас у нее нет времени тащить провинившегося слугу к хозяину и перечислять все его проступки. Ей нужно найти шелковые перчатки, прикрыть повязку на руке и отправиться на разговор с отцом, притворившись, что все в порядке. Ведь он до сих пор ее ждет.

Она разберется с невольником Джарека позже.

Рождение Охотницы

Когда-то, давным-давно, в далеком королевстве жила девчонка, до дрожи обожавшая все опасное, темное и зловещее, любившая запретные древние напевы.

Ей было неважно, что эти напевы убили ее мать, что до нее они погубили тьму народа. Девчонка позволила им зазвучать снова – завладеть сердцем, опустошить душу и превратить ее в жестокое существо. Злоба привлекала драконов, что веками сжигали дома ее предков и убивали их семьи, смертоносных, огнедышащих драконов. Девчонке было все равно.

Под покровом темноты она кралась по крышам домов, петляла в лабиринте опустевших улиц и тайком покидала город. Она взбиралась на лесистые горные отроги Расселины и заводила один древний напев за другим.

Она так часто и так громко пела эти зловещие сказания, что разбудила самого свирепого зверя, черного, как безлунная ночь, старого, как само время. Она разбудила Кодзу, Первого Дракона.

Кодзу загорелся желанием, чтобы девчонка осталась с ним, дабы владеть смертоносной силой, срывающейся с ее губ. Он захотел, чтобы она будоражила своими напевами лишь его одного на веки вечные. Кодзу заставил несносную девчонку осознать, чем обернулась ее прихоть. Страх завладел всем ее существом, и древний напев оборвался.

Но не так-то просто было отделаться от Первого Дракона. Он загнал ее в тупик – за спиной девчонки встала отвесная скала. Кодзу бил хвостом и угрожающе шипел. Ей стало ясно, что отказ будет означать что-то ужасное. Она дрожала, но не издала ни звука. По лицу текли слезы, но рот был плотно сжат. И все же кто осмелится бросить вызов самому Первому Дракону?

Кодзу пришел в ярость и, как только девчонка попыталась ускользнуть, обдал ее смертельным пламенем. На этом он не остановился. Оставшийся гнев он обрушил на ее жилище. Дракон разнес белые известковые стены и зубчатые башни. Он извергал ядовитый огонь на людей, которые, рыдая и крича, метались перед пылающими домами, где гибли их любимые, оказавшиеся в огненной ловушке.

Скверную девчонку, навлекшую на город беду и брошенную умирать в горах Расселины, нашел сын командующего. Он принес ее обожженное тело во дворец, в лазарет, а его отец тем временем спасал город. Собрав воинов, он прогнал Первого Дракона и приказал невольникам тушить пожары и восстанавливать разрушенные стены. Командующий спас город, но он не смог спасти свою жену. Услышав ее крики в горящем доме, он бросился на помощь – и не вернулся.

Девчонка выжила, несмотря ни на что.

Она очнулась в незнакомой обстановке и не могла вспомнить, что случилось. Поначалу ее отец скрывал правду. Да и как можно сказать десятилетнему ребенку, что он повинен в смерти стольких людей?

Король не отходил от дочери ни на шаг. Сидел у постели все долгие ночи, полные страданий и боли. Он вызвал докторов, а когда те сказали, что его дочь никогда полностью не оправится от ожогов, нашел лучших целителей королевства. Со временем не спеша и очень осторожно он стал рассказывать ей о событиях того дня.

Пришло время, и девчонка вышла к своему народу, просить прощения. Люди плевали ей под ноги, но все же отец встал на ее сторону. Она поклялась искупить свою вину, хотя народ освистывал ее, выкрикивая имя проклятой богини. Тогда король вышел к своему народу и объявил, что отныне проклятое имя будет титулом.

«Герои прошлых времен звались Намсарами, в честь возлюбленного бога, – сказал он. – Мою дочь будут звать Искари, в честь беспощадной богини».

3

Тронный зал, опоясанный с двух сторон галереями, вдоль которых во время приемов выстраивался караул солдат, с филигранной мозаикой на полу и гигантской аркой у входа, был сооружен лишь для того, чтобы продемонстрировать гостям самое главное место во дворце: позолоченный трон короля драконов. Но когда бы Аша туда ни входила, в первую очередь ее взор всегда падал на пьедестал из полированного оникса в центре. На нем возвышалась плоская чаша из черного железа, в которой мерцал и переливался белый огонь. Священное пламя Седого Ольна.

Когда Аша была ребенком, огонь забрали из пещер верховного бога и принесли в тронный зал. Тогда он вызывал у Аши благоговейный страх. Но те времена прошли. Сейчас ей казалось, что пламя смотрит за ней, как раньше она наблюдала за ним. Бесцветное негасимое пламя горело при помощи одного лишь воздуха. Это было неестественно и необъяснимо. Она хотела бы, чтобы отец вернул огонь в пещеры. Но пламя было его трофеем, постоянным

напоминанием того, через что ему пришлось пройти.

– Прости, дорогая, что прервал твою охоту.

Голос отца отразился гулким эхом от высоких потолков. Аша оглядела белые стены, увешанные гобеленами с портретами королей драконов и королев прошлого.

– Ничего страшного. Я убила зверя как раз перед тем, как получить твое послание.

Успев сменить походную одежду на темно-синюю долгополую мантию и шелковые перчатки до локтей, Аша шла к трону; предки с гобеленов провожали ее безмолвными взглядами. Ее ноги мягко ступали по морю изумрудно-лазоревых плиток, на которые из круглого окна, прорезанного в крытом медью куполе, водопадом лился солнечный свет, выхватывая пляшущие в воздухе пылинки.

Тот, кто ждал ее, выглядел в точности как король. На правом плече его мантии был вышит родовой герб – дракон с пронзенным саблей сердцем, на груди сверкал медальон с огромным желтым камнем посередине. На ногах красовались шитые золотом туфли.

Очнувшись в лазарете почти восемь лет назад, Аша увидела перед собой его лицо: тонкий, слегка вытянутый нос, аккуратно подстриженную бороду. Сейчас его вид пробудил давние воспоминания: всепожирающий багровый огонь из пасти Кодзу, жуткий запах горелой кожи и волос, хриплый крик, застрявший в горле.

Огонь был единственным воспоминанием Аши. Все остальное померкло.

– В этот раз от тебя очень долго не было вестей, – произнес король. – Я начал волноваться.

Аша остановилась перед золотыми ступенями, ведущими к трону, и опустила глаза. Стыд сжал ей горло словно тиски.

У ее отца хватало поводов для беспокойства и без Аши: война с лестонгами из Редколесья, постоянная угроза новых восстаний невольников, забота о храме и – хотя отец никогда не обсуждал это с Ашей – растущее влияние его командующего.

Забинтованная рука под шелковой перчаткой давала о себе знать, напоминая о том проступке, что Аша совершила утром, словно желая ее предать. Искари сложила руки за спиной в надежде, что отец не поинтересуется, почему на ней перчатки.

– Обо мне не беспокойся, отец. Я всегда отыщу свою добычу.

Король драконов улыбнулся. Спинка трона, возвышающаяся за его спиной, была украшена искусной мозаикой в виде пересекающихся линий и фигур. Она напоминала лабиринт городских улиц или паутину дворцовых галерей с тайными ходами.

– Я хочу, чтобы сегодня ты открыто, от имени нашего народа, показала свой трофей в честь наших гостей.

Аша вскинула голову.

– Гостей?

Улыбка отца погасла.

– Ты не слышала новости?

Она покачала головой.

– Твой брат вернулся из Редколесья, а вместе с ним к нам прибыли лестонги.

У Аши пересохло во рту. Когда-то этот народ не признал власть короля и остался жить по ту сторону Песчаного моря. Лестонги отказывались убивать драконов и держать невольников. Поэтому в прошлом ее отцу стоило большого труда держать их в узде. Отношения с ними осложняло и то, что ко всему прочему они пытались убить короля.

– Они согласились на перемирие, – объяснил отец, – и приехали сюда обсудить условия мирного договора.

Мир с лестонгами? Невозможно.

– Они сейчас во дворце? – глухо спросила Аша, приблизившись к трону.

Как мог Дакс пустить старейших врагов к ним в дом? Никто не ожидал, что ее брат добьется хоть какого-нибудь успеха в Редколесье. Положа руку на сердце, Аша могла сказать: никто не ожидал, что Дакс вообще останется в живых.

– Отец, это чрезвычайно опасно.

Король драконов слегка наклонился вперед, с теплотой глядя на нее сверху вниз.

– Тебе не нужно тревожиться, – его взгляд скользнул по шраму на ее лице. – Им достаточно лишь увидеть тебя, и они больше никогда не посмеют идти мне наперекор.

Аша нахмурилась. Если их не испугала плаха – а таково было наказание за покушение на короля, – почему они должны бояться Искари?

– Но я вызвал тебя не поэтому.

Король драконов поднялся с трона и сошел по ступенькам. Заложив руки за спину, он медленно двинулся мимо гобеленов, висящих слева. Аша следовала за ним, не обращая внимания на стражников в шлемах и сверкающих доспехах, стоящих между портретами.

– Я хочу поговорить с тобой о Джареке.

Аша вздернула подбородок.

Когда жители Фиргаарда в пламени Кодзу потеряли свои дома, любимых, они призывали короля предать виновную девчонку смерти. Но король не смог

казнить собственную дочь и придумал способ искупить вину.

Он обещал руку Аши Джареку, мальчику, что спас ее, тому самому, который потерял обоих родителей в огне, вызванном ее ошибкой. «Их союз станет последним шагом на пути искупления греха», – решил король.

Достигнув юного возраста, Джарек и Аша свяжут себя узами брака, и это будет означать, что она будет прощена. Джарек, который потерял все из-за Аши, покажет всему Фиргаарду, что они тоже на это способны. Более того, за героический подвиг король обещал сделать Джарека командующим – вместо отца. Так он проявил королевскую благодарность и заботу.

Спустя годы этот доблестный мальчик превратился в могущественного молодого командира. В двадцать один год он держал в железном кулаке всю армию. Солдаты боготворили Джарека и были полностью ему преданы. Преданы сверх меры, думала Аша. А когда он женится на ней, то еще ближе подойдет к трону и сможет без особого труда забрать его силой. Мысль об этом не давала Аше покоя.

– Он не должен узнать о нашем разговоре. Договорились?

Аша немного потерялась в своих размышлениях и воспоминаниях и не сразу заметила, что отец остановился перед гобеленом с портретом ее бабки, драконьей королевы, которая смогла покорить и превратить в невольников самых свирепых врагов королевства – скраллов.

На фоне бордовых и красно-коричневых тонов заднего фона резко выделялись сверкающее серебром платье королевы и ее волосы цвета воронова крыла. Дама пристальным взглядом провожала внучку; в ее глазах читалось суровое неодобрение, словно она могла заглянуть Аше прямо в сердце и раскрыть все таящиеся в нем секреты.

Аша прижала раненую руку плотнее к спине.

– Никому не рассказывай о том, что я тебе сейчас скажу.

Оторвав взгляд от старой королевы, она увидела, как отец с нежностью смотрит на нее. Всей душой Аша была привязана к отцу. Сначала он дал ей жизнь, а потом спас из когтей смерти. Она обязана ему уже дважды.

– Конечно, отец.

– Пока ты охотилась, мои люди заметили в горах Расселины одного дракона. Этого зверя не видели в наших краях восемь лет. С черной чешуей и шрамом, пересекающим один глаз.

Перед глазами Аши как будто вспыхнула молния. Она отшатнулась.

– Кодзу?

Этого не может быть. Первого Дракона не видели с того самого дня, как он напал на город.

Отец кивнул.

– У нас появилась возможность, и нам нельзя ее упустить, – он широко улыбнулся. – Я хочу, чтобы ты принесла мне голову Кодзу.

Внезапно Аша ощутила запах обожженной плоти, почувствовала, как горло сжимается от криков. «Прошло уже восемь лет, – подумала она, пытаясь отогнать воспоминания. – Восемь лет назад я была маленькой девочкой. Сейчас я уже не дитя».

Видя ее смятение, король драконов сделал то, чего не делал никогда: протянул руку, будто хотел дотронуться до ее щеки. Но вдруг его взгляд изменился, в нем промелькнуло странное выражение, которое появлялось в глазах любого, кто на нее смотрел. Отец старался не показывать этого, потому что любил ее и не хотел ранить. Но все же порой ему не удавалось скрыть истину: он боялся собственной дочери.

Спустя пару ударов сердца выражение его лица переменилось, а рука медленно опустилась на рукоятку сабли у пояса.

– Если тебе удастся убить Первого Дракона, у религиозных фанатиков больше не будет причины сомневаться в моей власти, лестонгам придется смириться с тем, что древнего уклада больше не существует, все подчинятся моей воле. Но важнее всего, Аша, – что твой брак с Джареком перестанет быть необходимостью.

Он посмотрел на один из гобеленов на противоположной стене, где висел портрет ее матери.

– Это и станет искуплением твоей вины.

Аша с трудом сглотнула, осмысляя услышанное.

Древние сказители, священные жрецы прошлого, предупреждали о смерти Кодзу. Они говорили, что Кодзу – источник древних напевов, а значит, соединяет Седого Ольна с его народом. Если кто-то когда-нибудь убьет Кодзу, древние напевы стихнут, исчезнут из памяти, пропадут из пергаментных свитков, словно их никогда и не существовало. Седого Ольна забудут, связь между ним и людьми прервется. Но пока жив Кодзу, живы и древние напевы. Цепь, что приковывает народ Аши к Седому Ольну, остается прочной.

Даже самые отъявленные безбожники из охотников не рисковали преследовать Кодзу. Отец знал это, поэтому и просил ее. У Аши был самый весомый повод убить Первого Дракона. Его смерть полностью ее оправдает – идеальный способ все исправить.

– Аша, ты меня слышишь? Если голова Кодзу окажется в этом зале, тебе не придется выходить замуж за Джарека.

Она подняла голову и взглянула в улыбающиеся глаза отца.

– Так что ты думаешь, Аша? Ты это сделаешь?

Конечно, он может даже не сомневаться. Вопрос только в том, успеет ли она убить Кодзу до того, как красная луна пойдет на убыль.

Последний Намсара

Когда-то драксоры были самым могущественным народом. Они налетали на врагов, словно хищные ночные птицы, пронзали их, как огненные молнии, рассекающие небеса. Последним, что враги драксоров видели в жизни, были их сверкающие сабли.

Никто не смел выступать против них.

Но однажды по пустыне прошла буря, сметшая все на своем пути. К северным островам подошли корабли захватчиков – людей, называющих себя скраллами. Они захватили север и жаждали расширить свои владения. Скраллы рвались к Фиргаарду – сияющей звезде в короне пустынного королевства. Многолюдная столица раскинулась на границе между бескрайними белыми барханами и горной грядой. Они понимали, что если захватят Фиргаард, то будут править всем миром. В надежде застать драксоров врасплох скраллы решили подойти к городу под покровом ночи.

Но когда темнота накрыла город, Седой Ольн зажег пламя. Он заметил приближение врага и простер свой взор через пыльные деревни и песчаные дюны. Верховный бог искал человека, подходящего для его замысла. Наконец он остановил свой выбор на простом ткаче по имени Нишран. Прошептав его имя, Седой Ольн разбудил Первого Дракона. Кодзу взмыл над пустыней быстро и бесшумно и ринулся на поиски избранного.

Когда Первый Дракон нашел Нишрана, тот сидел перед своим станком. Едва он увидел мелькнувший силуэт дракона, разглядел черную, словно безлунная ночь, чешую, как его пальцы замерли, а челнок остановился.

Страх наполнил его сердце.

Но Нишрана выбрал сам Седой Ольн. Отказаться было невозможно. Он хотел, чтобы тот стал его Намсарой. За это верховный бог наградил его способностью видеть в темноте.

Когда над городом поднялся юный месяц, Нишран беспрепятственно провел армию королевы драконов через пески, прямиком в стан врага. Скраллы не ожидали нападения. Их разбудили стрелы и пламя дракона. Те, кого они хотели завоевать, оказались сильнее.

Все было кончено, но королева драконов не позволила остаткам войска скраллов покинуть королевство. Если бы она это сделала, враги принялись бы опустошать другие земли и сеять хаос где-нибудь еще, а потом наверняка вернулись бы сюда за возмездием. Она не захотела нести бремя ответственности за несчастья других народов. Поэтому королева приказала надеть на каждого скралла невольничий ошейник в качестве наказания за совершенные на северных островах злодеяния.

Поработив своих врагов, драксоры пребывали в мире. Весть о том, что захватчики повержены, быстро разошлась по другим землям. Правители дальних стран двинулись через пустыню, море и горы, дабы заверить королеву драконов в своей преданности.

Но ликование драксоров длилось недолго.

Тьма окутала Фиргаард, когда драконы неожиданно обернулись против своих хозяев, напали на их семьи и принялись сжигать их жилища. Вместо праздничных песен и танцев Фиргаард наполнился предсмертными воплями жителей, метавшихся по пылающим улицам и садам, пойманных в огненную ловушку во дворах собственных домов. Черный дым скрыл дневной свет, черные тени мелькнули над городом и пропали – разрушив город, драконы улетели в сторону Расселины и больше не возвращались.

Беда внесла раздор в ряды драксоров. Одни остались верны королеве, которая прокляла драконов за измену, другие перешли на сторону верховной жрицы, обвинившей во всем королеву.

Разделенные люди поднялись друг против друга. Фиргаард лежал в руинах.

Так свершилось первое предательство.

Второе явилось в виде древних напевов.

В Фиргаарде существовала старинная традиция: каждый раз, когда убивали дракона, его голову торжественно преподносили королю драконов. Эту часть охоты Аша любила больше всего. Ей нравилось триумфально входить во дворец, когда зрители замирали в благоговейном страхе. Но больше всего она ждала взгляд отца, исполненный гордости за свою дочь.

Однако сегодня все было по-другому. Где-то за стенами города, по непроходимым пустошам, бродил огромный старый зверь, и Аше не терпелось вогнать свой топор в его сердце.

Скоро все случится, думала она, стоя вместе с Сафирой перед огромной аркой, ведущей во внутренний двор королевского дворца, откуда доносились звуки музыки. Сквозь быстрые, мерные удары барабанов и резкие вскрики медных труб еле слышным шепотом просачивались мелодичные переливы лютни.

Прежде чем войти, Аша по привычке внимательно оглядела кузину, ища новые синяки, но не нашла ни одного. Напротив, Сафира выглядела на удивление сияющей в бледно-зеленой мантии, украшенной золотой вышивкой в виде цветов жимолости.

– Я думала, ты их терпеть не можешь, – сказала она, кивая на шелковые перчатки Аши.

Эти перчатки Джарек подарил Аше почти год назад, на ее семнадцатилетие. Заморский дар, Аша и вправду их не выносила: они постоянно сползали с рук, а ладони в них делались влажными – но сейчас она смирилась с неудобствами, так как они скрывали ожог.

Аша едва заметно пожала плечами.

– Просто они хорошо смотрятся с мантией.

Мантия дождалась своего часа, после того как долгое время пролежала под крышкой серебряного сундука возле ее кровати, – еще один подарок Джарека.

– Верно, – насмешливо произнесла Сафира, угадав настоящую причину, – почти так же, как эти ботинки.

Аша взглянула на свои ноги, выглядывающие из-под подола, и мысленно обругала себя: в спешке она забыла сменить походную обувь на парадные туфли, а сейчас уже поздно.

В крытых галереях, окружающих внутренний двор, горели бронзовые светильники, заливая дрожащим светом лестницы и переходы. Посередине двора вытянулся широкий бассейн; звезды отражались на неподвижной поверхности черной воды. Обычно в такой вечер галереи полны пышно разодетых гостей, потягивающих сладкий чай на низких бархатных лежанках и делящихся последними сплетнями.

В этот раз все было по-другому. Драксоры собрались на праздник в честь возвращения наследника престола из Редколесья, где он пробыл месяц, но галереи пустовали: люди теснились во дворе, переговаривались, прикрывая ладонями рты, и изредка бросали взгляды на пустые лежанки.

Сафира первая поняла, в чем причина.

– Смотри.

Она показала на группу странно одетых людей, толпящихся под аркой галереи и бросающих настороженные взгляды на драксоров, словно ожидая засады.

Драксоры, расхаживающие во дворе под ночным небом, были одеты в яркие мантии или приталенные туники до колен, с богатой вышивкой и изящной отделкой бисером. Одежда гостей выглядела гораздо проще и скромнее. Просторные балахоны из небеленого льна свободно укрывали их фигуры, а плечи укутывали бахромчатые шарфы песочного цвета. Почти у каждого на бедре висели ножны с изогнутыми мечами.

– Лестонги.

Враги – в самом сердце дворца, в жилище короля, которого они трижды пытались убить.

О чем только Дакс думал?

Лестонги свято верили в древний уклад и ревностно охраняли его – тем удивительнее казалась их готовность ослушаться собственного бога и нарушить вековой запрет на цареубийство. Этот закон был одним из немногих, что король драконов позволил оставить.

По закону, уходящему корнями в миф о богине Искари, пытавшейся убить Седого Ольна, любого, кто посмеет лишить короля или королеву драконов жизни, ждет смертная казнь. Это означало, что как только лестонги задумают покушение, каждый из них сознательно идет на самоубийство.

Мысли о лестонгах прервал голос Сафиры, позвавшей ее по имени.

– Да? – обернулась к ней Аша.

– Что?

Сафира всматривалась в группу незнакомцев, оглядывая каждого с головы до ног, прикидывая, кто из них лучше натренирован и у кого под полой может быть спрятано оружие. Она делала это всякий раз, когда входила в комнату. Инстинкт самосохранения превратился в привычку.

– Ты меня только что позвала, – сказала Аша.

– Нет, это не я.

Аша оглянулась, заглянула в боковой коридор, скользнула взглядом по солдатам, торчащим вдоль стены, словно частокол. Никого поблизости не было.

Не успела она повернуться обратно к Сафире, как по толпе гостей во дворе пронеслась волна шиканья. Музыка оборвалась. Аша знала, что произошло.

Люди заметили Искари.

Уж лучше сразу с этим покончить.

Она вышла из-под арки во двор.

Все взгляды устремились к ней. Она ощущала их тяжесть, так же как чувствовала в груди собственное жестокое сердце. Взгляды острые, словно кинжалы, бешеные, как загнанные в угол дикие вепри. Аша не отводила глаз. Один за другим люди потупляли свой взор и отступали, образуя молчаливый коридор, по которому она шла прямиком к отцу, с улыбкой глядевшему в ее нахмуренное лицо.

Рядом с ним стоял юноша в золотистом наряде – почти полная копия короля драконов: курчавые волосы, добрые карие глаза, вытянутый нос, дважды сломанный по его же вине и оттого слегка кривой. Юношу звали Дакс, и он был старшим братом Аши.

Сейчас она заметила, что с ним что-то не так. Пробыв в Редколесье ровно месяц, он вернулся явно не таким беззаботным, каким был раньше. Исчезло вечное озорство в глазах, улыбка, от которой таяли все девушки, погасла, кулаки, постоянно ищущие драки, разжались. Того парня будто подменили. На его место пришел кто-то похудевший, уставший и… немногословный.

Аша оставила Сафиру позади. Ее кузина не имела права приближаться к королю драконов. То, что она вообще осталась жива, будучи дочерью невольницы и королевского сына, было просто чудом. Ее оставили во дворце и позволили расти там, где Лилиан и Райан, ее родители, переступили запретную грань. Благосклонность короля – единственное, что давало ей право войти во двор, но на этом она и заканчивалась. Сафире никогда не стоять рядом со своей семьей.

Аша заняла свое место возле отца, бросив озабоченный взгляд на брата. В этот момент звуки труб известили о появлении во дворе четырех невольников-звероловов. Они внесли огромное серебряное блюдо с витиеватой чеканкой, на котором возвышалась голова дракона. Узкие желтые глаза померкли, язык вывалился из пасти – жалкое подобие того воплощения ярости, что он являл при жизни.

Пораненная рука ныла под перчаткой, заставляя Ашу стискивать зубы. Чтобы хоть как-то ее заглушить, она представила на блюде голову Кодзу, а дальше мысли унесли ее прочь от дворцовых стен, на бескрайние пустоши – она вышла на охоту.

Кто-то вновь произнес ее имя. Аша вздрогнула и впилась взглядом в толпу. Каждый, кто встречался с ней глазами, отворачивался, будто боялся, что созерцание ее лица может вызвать драконий огонь. Она смотрела и прислушивалась, но голос молчал.

«Мне что, послышалось?»

На мгновение ее охватила паника. Неужели она обработала ожог слишком поздно и яд уже проник в ее сердце? Как же унизительно будет погибнуть от драконьих ожогов на глазах у всего королевского двора, прямо перед отцом!

Аша тряхнула головой: ерунда, этого не случится – она все сделала вовремя. «А может, это древние напевы наконец завершили свое дело? Отравили меня так же, как мою мать?» Вот только сейчас она не замечала ни одного из тех признаков отравления, что были у ее матери, а ведь она всегда так тщательно за этим следила.

Отец тем временем начал свою речь с благодарности своей Искари за добычу. Затем он, как обычно, принялся рассуждать об опасности и вероломстве драконов, которые во времена правления его матери были союзниками драксоров, а потом подло предали их. Аша знала эту историю почти наизусть, поэтому слушала вполуха, пока отец не схватил ее за обожженную руку. Дернувшись, она едва сдержала крик.

Твердой рукой король выставил дочь перед собой на всеобщее обозрение, дабы лестонги вдоволь налюбовались этим зрелищем.

– Видите, что они сотворили с моей дочерью? Вот что происходит, когда пытаешься приручить дракона.

Он, несомненно, думал о том дне, когда сгорел город и Джарек принес обгорелое тело Аши во дворец.

– Моя Искари посвятила всю жизнь охоте на этих тварей, и она не остановится, пока не перебьет их всех, до последнего. Тогда, и только тогда, у нас наступит мир.

Он повернулся и улыбнулся ей. Аша попыталась выдавить ответную улыбку, но не смогла. Рука нещадно горела, пульсирующая боль словно кричала о нарушенном запрете. Наконец король отпустил ее руку и махнул невольникам, чтобы те унесли трофейную голову. Вновь заиграла музыка. К Аше подошел благоухающий мятным чаем Дакс.

– Моя грозная младшая сестренка, – ухмыльнулся он, и Аша заметила глубокие складки вокруг его рта, которых раньше не было, – видела, кого я привез с собой?

Он кивнул в сторону лестонгов, будто бы кто-то мог их не заметить.

– Конечно, но не столь впечатляюще, как голова дракона…

На нем была его любимая золотистая туника до колен, с длинными рукавами, закрывающими запястья. Белая вышивка окаймляла ворот и спускалась чуть ниже, вдоль выреза, красиво оттеняя сверкающий шелк.

«Золотой наряд для мальчика с золотым сердцем», – подумала Аша.

Обычно эта туника ладно сидела на статной фигуре брата, подчеркивая прямую, красивую шею, сильные руки, длинный, гибкий торс. Но сейчас она свободно висела на исхудалых плечах, а глаза Дакса, всегда такие искрящиеся, были тусклыми, как безрадостная каменистая равнина.

Напряженные переговоры и долгий обратный путь из Редколесья через пустыню, несомненно, подорвали его силы. Аша смотрела на его слегка ссутулившуюся спину; усталый вид брата кого-то ей напоминал, но она никак не могла вспомнить кого.

– Ты пропустила представление наших гостей, – сказал он, тоже внимательно изучая ее.

– Мне нужно было кое-что сделать.

К примеру, спрятать доказательства своего предательства.

– Хочешь с ними познакомиться? – спросил он, принимая чашу вина от слуги.

– Не очень, – покачала головой Аша, отказывая и брату, и слуге, протянувшему вино и ей.

– Отлично! – воскликнул Дакс. – Я тебя представлю.

Аша с опаской следовала за ним сквозь толпу. Брат остановился так неожиданно, что она чуть не налетела на него. Когда он сделал шаг в сторону, перед ней оказалась молодая девушка в тонком льняном одеянии кремового цвета. Лестонка откинула шарф и взглянула на Ашу ясными темными глазами. На ее правой руке в защитной перчатке сидел сокол, белоснежный, словно туман в горах Расселины ранним утром. Аша уставилась на птицу; та глядела на нее не мигая жутковатыми серебристыми глазами.

Аша инстинктивно отступила назад, но девушка не заметила этого и увлеченно изучала шрам на ее лице.

– Это моя сестра, – сказал Дакс, – та самая Искари.

При этих словах он погладил сокола по белой груди. Птица явно знала Дакса, раз позволила это сделать, да еще и потерлась клювом о его пальцы.

– Аша, это Роя, дочь Поющего Дома. Ее брат не смог приехать, но очень хотел познакомиться с небезызвестной Искари. Я обещал ему, что в следующий раз возьму тебя с собой.

Он подмигнул сестре, прекрасно представляя, как она к этому отнесется.

Аша не имела ни малейшего желания стоять рядом с любым из лестонгов: они скучные, унылые и убогие – или ей так про них рассказывали. Но самое неприятное – что лестонги до сих пор придерживались древнего уклада. Ей было совершенно непонятно, как, во имя всего святого, Даксу удалось уговорить их приехать сюда – в столицу, которую они считали бездуховной и поэтому ненавидели.

Аша любила брата, но он вряд ли мог похвастать отличными навыками дипломатии. Единственная причина, по которой его отправили в Редколесье, заключалась в желании короля на время удалить его из города. У Дакса произошла пьяная драка с близким другом Джарека, который к тому же был его правой рукой в армии. Тот упал с крыши и сломал позвоночник. Это вызвало в народе бурное возмущение и привело к напряженности между королем и его солдатами.

Дакс вообще собирал скандалы как трофеи: вечно затевал драки, проигрывал деньги из королевской казны, волочился за дочерями самых влиятельных придворных. Наследник был одной сплошной головной болью, и терпение отца в конце концов лопнуло. Он отослал Дакса на переговоры с лестонгами и велел Джареку ехать с ним. Потеряв друга, командующий не испытывал к виновнику ни малейшей жалости, поэтому король был уверен, что тот сможет держать юношу в узде.

Роя прижала кулак к сердцу – таково было приветствие у лестонгов, – но взгляд ее по-прежнему блуждал по лицу Аши.

– Сама Искари, – тихо проговорила она; ее низкий голос звучал мягко, но чувствовалось, что, если нужно, он может превратиться в громовые раскаты.

Она разжала ладонь и опустила руку.

– Дакс говорил: ты можешь задушить дракона голыми руками.

Аша уже хотела расхохотаться, но ей помешало появление молодого человека. Как только его тень легла между ними, все внутри нее сжалось.

Джарек.

Это он все три раза срывал планы лестонгов, замышлявших покушение на короля, поймал и казнил наемных убийц, подавил последнее восстание невольников. С ним Аша свяжет себя узами брака до того, как наступит красное новолуние, только если не убьет Кодзу раньше.

Рядом с командующим Дакс выглядел мальчишкой. Джарек был на голову выше него. Широкоплечий, мускулистый, он возвышался над гостями, словно мощная крепость. Шелковая рубашка обтягивала его торс, демонстрируя стальные мускулы.

Аша взглянула на лестонку – та, прищурившись, смотрела на ее жениха. Странно, обычно безупречное сложение Джарека вызывало у женщин совсем другие эмоции. Роя же, казалось, была… вся как на иголках.

Джарек окинул взглядом наследника престола и его новую подругу из Редколесья. Его рука обвила Ашу за талию и прижала к себе, как кинжал или саблю, болезненно сжав бедро. Джарек был одним из немногих, кто смел к ней прикоснуться.

– Знакомишься, Аша? – спросил он, пахнув вином ей в лицо.

Она знала, что не стоит отворачиваться или намекать, что он делает ей больно.

– Дакс представил меня…

– Мы уже встречались.

Внимание Джарека переключилось на мантию Аши. Он пожирал ее глазами так, словно она была вожделенной чашей с вином, спасающей от похмелья.

– Вижу, ты нашла свой подарок.

Взгляд Аши метнулся куда-то вдаль, мимо Дакса и Рои, и остановился у галереи, где сновала служанка с золотым ошейником, разливающая чай. Она держала медный чайник высоко над головой и ловко направляла длинную струю золотистой жидкости в чашки, выписывая ею в воздухе изящную арку.

Джарек склонился над Ашей.

– Скажи, он понравился тебе?

Он и сам знал ответ на этот вопрос.

По сравнению с остальными гостями во дворе, чьи мантии были элегантными, но скромными, та, что надела Аша, представляла собой впечатляющее зрелище. Сшита она была великолепно и наверняка стоила целое месячное жалованье простого солдата. Но Джарек, унаследовавший от отца приличное состояние, вполне мог позволить себе потратить столько на одну-единственную мантию.

Наряд был изумительного оттенка индиго, с узкими, струящимися, как песок, рукавами и широким поясом, обвивающим талию. Если бы Ашу спросили, где он куплен, она, пожалуй, назвала бы Дормоор – самый крупный торговый порт в империи отца. Только такая мантия больше подошла бы прекрасной девушке, а не такому ужасному, покрытому шрамами созданию, как она.

Больше всего Ашу смущали глубокий вырез, спускавшийся к груди, и полупрозрачная ткань. Сквозь нее Джарек мог видеть больше, чем ей хотелось бы ему позволить. Но сегодня она решилась надеть мантию, ведь в прошлый раз, когда Аша отвергла дар Джарека, она обнаружила на лице Сафиры синяки.

– Выглядишь как богиня.

Аша оцепенела. Под взглядом жениха ей вдруг захотелось исчезнуть, незаметно протиснуться сквозь толпу, влезть в доспехи, схватить топор и прямо сейчас пуститься на поиски Кодзу.

Но вместо этого она лишь покачала головой и произнесла:

– Видел бы ты меня раньше, когда я была с головы до ног покрыта запекшейся драконьей кровью.

Это не подействовало: вызвать отвращение у Джарека Аше не удалось. Он придвинулся ближе, стараясь не поворачиваться спиной к ее брату и Рое. Командующий всегда старался держать возможного противника в поле зрения.

– Потанцуй со мной.

Аша вновь отыскала глазами служанку, разливающую чай.

– Ты же знаешь, я не танцую.

– Все когда-то бывает в первый раз, – Джарек сильнее сжал ее запястье и решительно развернул от брата и лестонки.

– Эй, ты! Пожиратель песка! – Дакс схватил его за рукав. – Она не хочет с тобой танцевать.

Глаза командующего вспыхнули. Он легко оттолкнул Дакса. Наследник налетел на Рою и опрокинул чашу с вином. Губы лестонки приоткрылись от удивления, рука инстинктивно метнулась к темно-бордовому пятну, растекшемуся по светлому платью.

– Просим нас извинить, – осклабился Джарек и потащил Ашу в толпу, ближе к музыкантам. Она успела обернуться и заметить прищуренный взгляд Рои.

– Я месяц тебя не видел, – наклонившись, тихо проговорил Джарек ей в ухо. – Купил наряд втридорога. Теперь твоя очередь сделать то, что я прошу.

Аша собралась уже повторить свой отказ более настойчиво, но тут голос, зовущий ее, вернулся. Она не стала оглядываться, зная, что никого не найдет. И, потом, куда ей смотреть? Голос раздавался отовсюду.

Аша, Аша, Аша.

Он напомнил ей о напеве…

Аша постаралась прогнать эти мысли. Джарек грубо развернул ее и прижал к себе, обняв за талию. Внезапно на нее накатила дурнота, и она отвернулась. Лучше бы она этого не делала: показать свою слабость перед командующим грозило опасностью. Но Аша десять дней выслеживала дракона в пустошах у Расселины, и сейчас у нее просто не осталось сил на эти игры.

– Я не танцую, – повторила она, упершись ладонями в черный шелк рубашки и пытаясь увеличить расстояние.

– А я не принимаю отказов, – отрубил он.

Его руки сжимали ее все сильнее, глаза шарили по лицу и шее, словно стая голодных собак. Аша отрешенно смотрела на танцующих и вдруг наткнулась взглядом на веснушчатое лицо слуги Джарека. Скралл стоял в полукруге музыкантов, теснившихся у бассейна.

Как завороженная она следила за длинными пальцами невольника, перебирающими струны старой грушевидной лютни. Его глаза были закрыты, он всецело отдался музыке и словно пребывал где-то в другом месте, вдали от королевского двора.

Почувствовав ее взгляд, невольник открыл глаза. Струна под его пальцами дрогнула и жалобно пискнула от неожиданности, но он тут же справился с собой. Покрепче ухватив лютню, он мельком взглянул на музыкантов, стоящих рядом. Мечтательность исчезла, уступив место хмурому взгляду, будто на лицо надвинулась грозовая туча.

– Ты слышишь, что я тебе говорю? – прорычал Джарек.

Его слова заглушил чужой голос. В последний раз за этот вечер он позвал ее. Вместе с ветром ее имя ворвалось сквозь арку, метнулось вдоль галерей, отразилось эхом от каменных стен.

«Неужели никто не слышит?» – подумала Аша.

Но драксоры танцевали, смеялись и как ни в чем не бывало потягивали свой чай. Никто не крутил головой, не смотрел на нее удивленно, не спрашивал, что происходит.

Что-то не так. Она чувствовала, что спокойный и привычный порядок нарушен. Ей нужно выбраться отсюда. Она вырвалась из объятий Джарека, который совсем не ожидал от нее подобного, поэтому легко разжал руки и отпустил ее. Бросившись прочь, она споткнулась и налетела на музыкантов, оборвав их игру.

Голос, зовущий ее, гремел в ушах, стучал в крови, заглушая все звуки.

Аша, Аша, Аша.

Голова кружилась. Слуга Джарека стоял прямо перед ней. Подняв глаза, она встретила его немигающий взгляд. «Отвернись», – хотела приказать она. Только вечернее небо, подсвеченное розовыми полосами заката, вдруг закружилось над ней, а вместе с ним – и весь двор, и бассейн за спинами музыкантов, и арки с лежанками. Аша прикрыла глаза, ее тут же повело в сторону. Еще мгновение – и она бы рухнула на широкие плиты пола.

Но невольник успел ее подхватить. Аша прижалась щекой к его груди; пространство бешено вращалось перед глазами. Вот что происходит, когда позволяешь древним напевам вырваться и зазвучать в полную мощь. Аша подумала о матери. Пока тьма застилала ее сознание, она вспоминала, как умирала мать из-за этих проклятых сказаний. Это было очень похоже.

– Я держу тебя, – тихо произнес чей-то голос ей на ухо. – С тобой все будет хорошо.

Последнее, что она услышала, – мерные удары сердца, бьющегося прямо у ее щеки.

Разрыв

До Великого Разрыва древние напевы хранились у сказителей. Мудрые жрецы передавали их из уст в уста: священные тексты о Седом Ольне, его Первом Драконе и доблестных Намсарах. Эти тексты переходили от отца к сыну; сказители путешествовали по большим городам и затерянным селениям, сплетая перед толпой причудливую ткань повествования в обмен на ночлег, похлебку или пару медяков. Приютить сказителя под своей крышей считалось особой честью, ибо это были праведные люди, выполняющие особую, священную миссию.

После того как драконы покинули королевство, сказители начали умирать. Древние напевы стали отравлять своих носителей, разъедая плоть, – они обернулись против них, как в свое время драконы выступили против своих всадников. Но сказители продолжали петь – и не прекращали гибнуть.

Чем больше они слабели, тем сильнее страх укоренялся в сердцах драксоров. Они перестали нападать на соседей, прятались в своих домах за закрытыми

ставнями, лишь бы ни один древний напев не коснулся уха. Они панически боялись Седого Ольна: какую еще чуму он готов наслать на их головы?

Тогда драконья королева решила положить этому конец. Она отреклась от Седого Ольна, который предал свой народ, наложила запрет на древние напевы и объявила, что каждый сказитель, продолжающий свое повествование, будет заключен в тюрьму. Но это не помогло: сказители не отступили, и сама верховная жрица заклинала их не оставлять древние напевы. Королеве пришлось защищать свой народ от злого коварства Седого Ольна.

Она сделала три шага.

Сначала она лишила верховную жрицу власти.

Затем она изменила ее законы. На главной площади Фиргаарда перед всем своим народом королева драконов заявила, что произносить древние напевы вслух отныне считается преступлением и карается смертью.

Каков был ее третий шаг?

Она установила новую традицию: охоту на драконов.

5

Дым окутывал Ашу, цеплялся за волосы, пощипывал глаза. Дыхание мерно вырывалось из ее груди: вдох, выдох, вдох, выдох – будто приливы и отливы у причалов в Дормооре, и вместе с воздухом на язык попадал горьковатый привкус пепла.

Тьма окружила ее. Она протянула руку и уперлась ладонью в прохладную стену, испещренную мелкими трещинами: камень, под ногами тоже камень.

«Я умерла», – подумала она.

Но если это так, что ее убило – драконий огонь или древние напевы?

Аша всегда была уверена, что древние напевы не могут ей навредить.

С самых первых дней, когда она начала выманивать ими драконов, она зорко следила, не появятся ли признаки отравления: быстрое исхудание, изможденный вид, дрожь в руках… Но ни один из этих симптомов не проявился у Аши ни сначала, ни потом. Если напевы и действовали на нее, то это происходило как-то иначе, не так, как с ее матерью или сказителями.

Может, оттого, что она Искари? А у них с древними напевами одна сущность, единая природа, злоба и пороки внутри них вытесняют друг друга.

А возможно, она просто ничего не замечала и все это время они медленно убивали ее.

Если я мертва, то никогда уже не принесу отцу голову Кодзу.

Если я мертва, то мне больше не нужно становиться женой Джарека.

Эти мысли вызывали смешанные чувства: и разочарование, и облегчение одновременно.

Аша двинулась вглубь пещеры, вслед за пеплом и дымом. С каждым шагом пространство вокруг начинало казаться ей все более знакомым. Не то чтобы она бывала здесь раньше. Скорее, она всю жизнь мечтала здесь оказаться.

Долгие годы Аша держала древние напевы в заточении, загнав их в самые глубокие подвалы памяти, но сейчас это место освободило их. Они вырвались на поверхность, живые, гудящие, шепчущие о Первом Драконе, священных Намсарах и самом Седом Ольне. Как бы Аша ни стискивала до боли зубы, пытаясь утихомирить их и загнать обратно, она не могла справиться с этим потоком.

Дорога привела ее к сидящему перед потрескивающим костром человеку. Он поднялся ей навстречу, огонь осветил его лицо, сверкнувшие черным ониксом глаза, голый череп и седую бороду, спускающуюся ниже подбородка. Белое

одеяние окутывало его худощавую фигуру, капюшон был откинут.

При виде человека Аша замерла.

Она знала, кто он такой. Его портрет украшал стену в комнате, куда ей не стоило приходить. В детстве она слышала, как мать произносила его имя, всегда в темноте.

– Элорма, – выдавила она из себя.

Первый Намсара – вот кто это был: человек, принесший из пустыни священный огонь, основатель Фиргаарда, посланник Седого Ольна, бога, что предал их.

– Я ждал тебя, – его бархатистый голос отразился эхом от стен пещеры. – Подойди ближе.

Аша не посмела.

Языки костра плясали между ними. Она подняла руку, закрывая лицо от жара. Элорма улыбнулся, и ей вдруг стало не по себе. Так мог улыбаться только невольник, замышляющий бунт.

– Как хочешь, – произнес он и погрузил руки в белое пламя.

Аша вздрогнула и уставилась на его ладони, ожидая, что сейчас огонь спалит кожу до костей. Но ничего подобного не случилось. Элорма вынул из костра два сверкающих черных клинка, изогнутых полумесяцем. По краям лезвий метнулось и потухло белое пламя.

– Священный дар Седого Ольна, – произнес он и протянул мечи Аше. – Серпы-убийцы. Возьми их.

Аша знала: ему не стоит доверять и лучше не принимать никаких даров от Седого Ольна. Она спрятала руки за спиной.

– У меня есть оружие. Даже больше, чем нужно.

– Конечно, – кивнул он. – Но эти клинки были выкованы специально для тебя, Аша. Что еще может так удобно лежать в твоей ладони и еще будет служить тебе верой и правдой? Серпы поразят твоих врагов быстрее любого топора.

Откуда он узнал о топоре? Хотя если Элорма знает ее имя, почему бы ему не знать и про ее любимый вид оружия?

– Как только ты возьмешь их в руки, тебе не захочется владеть ничем иным.

Аша подумала, какое это было бы наслаждение – убить дракона подобным клинком: быстрым, острым, смертельным. Она тряхнула головой. Достаточно того, что она произнесла вслух древний напев. А если она еще свяжется с Седым Ольном – это будет опасно вдвойне.

Она представила ужас на лице отца, как только тот об этом узнает, и отступила на шаг.

– Разве твое имя не Искари? – спросил Элорма. – Я считаю, тебе не очень-то подходит этот титул. Искари была бесстрашна и свирепа. А ты трясешься от страха.

Она бросила на него гневный взгляд. В свете костра он выглядел как бог: словно излучал изнутри таинственный свет, а в проницательных глазах будто сияла вечность.

Аша перевела взгляд на серпы. Убить Кодзу таким оружием – это ли не награда? Ведь это идеальный вариант – взять дар Седого Ольна и использовать против него. Точно так же, как он использовал Ашу против ее собственного народа и ее отца.

«Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы дать отпор злобе и темному беззаконию», – все эти годы внушал ей отец.

Все это верно. Но сейчас она не даст себя одурачить, не позволит себя использовать. Отцу ничего не нужно знать, пока все не завершится и она не принесет окровавленную голову Кодзу к его ногам. Тогда он поймет и похвалит ее за мудрость.

Аша потянулась за серпами, и Элорма слегка улыбнулся. Как только их изящные, инкрустированные камнями рукоятки скользнули в ее ладони, в венах заиграла кровь. Между сжатыми пальцами вспыхнуло белое пламя, и невидимая нить связала рукоятки с Ашей. Элорма не обманул: эти клинки подошли ей как ключ к дверному замку. Идеально сбалансированные, воздушно-легкие, они словно растаяли в ее руках.

– Но у этого дара, конечно же, есть условие.

Аша взглянула на его белозубую ухмылку.

– Серпы-убийцы можно использовать только для исправления ошибок.

– Что?

Он продолжал улыбаться.

– Мы скоро увидимся с тобой еще раз, Аша, – произнес он и растворился в темноте.

Аша позвала его, но вокруг воцарилась тишина. Огонь в костре погас. Стены пещеры завертелись, навалились на нее, готовясь поглотить, и вдруг исчезли.

Аша осталась стоять в темноте, вцепившись в священные серпы; древние напевы гудели в ее голове, а сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

«Что я наделала?»

Два клинка-убийцы выпали у нее из рук.

6

Перед самым рассветом Ашу разбудил аромат цветков апельсина.

Ночная прохлада не спешила покидать дворцовые стены. Закутавшись в шерстяное одеяло, Аша уселась на кровати и откинула прозрачный полог. В предрассветном сумраке все предметы в комнате казались синими. Она посмотрела на противоположную стену, увешанную от потолка до пола ровными рядами ее любимого оружия. В основном здесь были топоры и огромные ножи, среди которых затерялся охотничий кинжал. А внизу висела их деревянная замена – тренировочное оружие, с помощью которого она учила драться Сафиру. Серпов с черными клинками на стене не было. Аша закрыла глаза и выдохнула: просто сон.

Она вытянула перед собой забинтованную руку, сдвинула повязку и пошевелила обожженными пальцами. Они сгибались, хотя движение причиняло ей невыносимую боль, а это значит, она сможет орудовать топором, только когда заживет кожа.

Самое главное сейчас – как можно быстрее отыскать Кодзу. Она убьет дракона, и ей больше не придется ничего скрывать.

– Ответь на один вопрос, – вдруг тихо произнес знакомый голос.

Взгляд Аши метнулся к арочному окну: на подоконнике сидела тень.

– Почему у того дракона получилось обдать нас огнем?

С подоконника соскочила Сафира. Сейчас, когда они были одни, она могла смело смотреть Аше в глаза.

– Со времен Разрыва прошло пятьдесят лет, – продолжила она, – когда и древние напевы исчезли.

Полвека с тех пор, как драконы перестали изрыгать пламя. Кроме Кодзу, Первого Дракона, который сам являлся источником напевов. Чтобы спалить город, ему не нужны были ничьи голоса.

От тлеющих в камине углей Сафира зажгла свечу. Вместо ответа Аша решила увести разговор в сторону.

– Ты пробыла здесь всю ночь? – спросила она.

– Первой вопрос задала я, – ответила Сафира, снимая со стены тренировочные мечи. – Одевайся. Мы идем на крышу.

– Саф, давай не сегодня. Моя рука…

Аша подняла больную руку и вдруг поняла, что кто-то должен был снять с нее перчатку. Ее захлестнула паника. Кто бы это ни сделал, он видел бинты и то, что под ними!

– Думаешь, из-за того, что у тебя обожжена рука, Джарек будет обходиться с тобой мягче?

Аша взглянула на кузину. Сафира выдержала взгляд Искари. Пламя свечи плясало в ее глазах. Сафира может знать, что произошло: кто раздевал Ашу. Нужно выяснить у нее, кто точно знает о ее ожоге. Придется пойти с ней на крышу. А потом, когда она поймет, что ее секрет в безопасности, она выйдет на охоту.

Откинув одеяло, Аша встала голыми ногами на мраморный пол и поежилась. Пока кузина расстегивала пуговицы ее ночной рубашки, она не сводила с нее глаз. В такие моменты Аша радовалась, что давным-давно отпустила своих невольников. Рядом с ней они всегда тряслись от страха и от этого все делали в два раза медленней.

Когда Аша полностью оделась, они вышли на террасу, откуда по узким ступенькам можно было подняться на крышу. Перед террасой раскинулся небольшой сад: цвели апельсиновые деревья и чайные розы, шелестели на ветру пыльные финиковые пальмы. Когда-то садом занималась мать Аши. Пальмы всегда напоминали королеве драконов о детстве, проведенном в Редколесье. Аша с удовольствием вдохнула сладковатый аромат.

Но над городом уже занимался рассвет, и время неумолимо бежало вперед. На то, чтобы убить Кодзу, у нее осталось шесть дней.

– Давай поскорее покончим с этим! – воскликнула она, бросаясь вверх по ступенькам.

На этот раз кузине повезло: во всяком случае, сегодня победить Ашу у нее получится быстрее.

* * *

Когда Аша не охотилась, утренние тренировки с Сафирой стали обычным делом, полезным для них обеих. Сафира получала практику, а Аша, которая была больше охотницей, чем бойцом, училась защищать себя, в основном от Джарека.

Сафира развязала тесемки своего старенького плаща шафранового цвета и сбросила его на шероховатое покрытие крыши. Аша заметила, как протерлись швы и обтрепался подол. Ее кузина не должна ходить в таких обносках. «Велю портнихе сшить новый и скажу, что от меня».

Огромная крыша дворца была совершенно пустой. За плечом Сафиры простирался необъятный горизонт, край его наливался золотом, а цвет неба от темно-синего постепенно переходил в пурпурный. Скоро взойдет солнце, и дворцовые слуги потянутся на ежедневные работы. Крыша заполнится людьми. Но сейчас здесь были только Аша и Сафира.

– Почему ты не сказала мне, что драконы снова могут изрыгать пламя?

Сафира рубанула мечом, Аша поймала ее удар своим; сухой треск дерева отразился эхом от башен.

Кузина, может, и была беспомощна перед драконом, но в схватке на мечах намного превосходила сестру. Ей пришлось научиться быть сильной в мире, который предпочел бы, чтобы она никогда не рождалась. И у нее это получилось. Руки за годы тренировок налились силой, мускулы окрепли, и в их поединках Аша все реже становилась победительницей.

– Потому что… ты вечно… волнуешься по пустякам, – стиснув зубы пробормотала Аша.

Быстрые выпады Сафиры заставили ее пятиться, едва успевая отражать удары.

– Кажется, у меня есть на то причины, – ответила Сафира и ослабила напор, – особенно после того, как ты потеряла сознание посередине двора прямо во время королевского приема. И не говори, что это никак не связано с ожогом.

Аша крепче сжала рукоятку деревянного меча. Она надеялась, что обморок был частью сна.

– Отец видел?

– Конечно, видел.

– Что он сказал?

Сафира кружила вокруг Аши, готовя очередную атаку.

– Ничего. Говорил только Джарек. Точнее, он орал на своего слугу, который, кстати, тебя и поймал. Иначе ты расшибла бы голову о камни.

Аша в шоке вытаращилась на кузину. Внезапно Сафира бросилась вперед, ее меч со свистом рассек воздух – Аша не успела даже поднять свой и с трудом увернулась от удара.

– А если бы я не убедила лекаря, что у тебя простое обезвоживание, он бы настоял на полном осмотре и увидел тот ожог, – она кивнула на забинтованную руку. – Так что ты моя должница.

Аша опустила меч. Значит, отец ничего не знает. Она вздохнула и вытерла лоб.

– Спасибо.

– Зачем нужно держать это в секрете? Никто не посмеет упрекнуть тебя в слабости, Аша. Ты же Искари. Ты убила дракона, как и сотни других раньше.

Только этот ожог означал вовсе не то, что она слаба. По крайней мере, не то, что имела в виду Сафира. Он означал, что она преступница.

Видя ее состояние, Сафира тоже опустила меч; Аша тут же решила воспользоваться моментом и бросилась в атаку. Глаза Сафиры загорелись, с каждым отраженным ударом в них словно вспыхивали молнии.

Аша налетала на нее снова и снова, дерево нещадно трещало, но Сафира не давала ей ни малейшего шанса. Она всегда была наготове, словно каждый раз перед самым носом Аши захлопывалась дверь.

– И, потом, – слегка запыхавшись, продолжала Сафира, – кому бы я рассказала?

– Даксу, это же очевидно.

Брат будет просто в шоке, когда узнает, что его младшая сестра произносила древние напевы вслух, те самые, что убили их мать. И, несмотря на то что его отношения с отцом были далеко не теплыми, забота и беспокойство о сестре вынудили бы его пойти и рассказать все королю.

Дакс не должен узнать. Никто не должен.

Аша увидела, что Сафира на мгновение открылась, и попыталась нанести удар, но получила в ответ мягкий тычок в подбородок. Шанс был упущен.

– Уф! – выдохнула Аша и опустила меч. – Хотя бы раз! Неужели нельзя хоть однажды поддаться и позволить мне победить?!

– Ни за что, – Сафира покачала головой. – А неужели нельзя объяснить, почему драконы начали снова изрыгать пламя? И почему нужно держать это в секрете?

Она наступала на Ашу, которая с досадой терла подбородок.

– И можешь ли ты сказать, как твоему безмозглому брату удалось привести сюда лестонгов?

Она уперлась кончиком меча в крышу и облокотилась о рукоятку.

– Кстати, если уж мы заговорили о Даксе, что ты думаешь о его подружке, той тихоне?

– Ты имеешь в виду Рою? – Аша потянулась за бурдюком с водой. – Мы едва успели познакомиться, как нас прервал Джарек. Так что у меня о ней лишь смутное представление.

Со лба Аши градом катился пот, она тяжело дышала, а Сафира выглядела свежей, как весенний рассвет.

– Ты видела, что она на себя нацепила? – спросила она.

Аша сделала долгий глоток и заткнула бурдюк пробкой.

– Нож?

Роя была единственной из лестонгов, кто не носил оружие открыто. Но Аша заметила у ее бедра кончик рукоятки, выглядывающий из складок платья.

– Нет, кулон.

Аша не помнила, чтобы на лестонке были какие-то украшения.

– Круглой формы, из камня, похожего на алебастр.

Аша нахмурилась.

– И что?

– Похоже, это Дакс сделал.

Помимо внешности Дакс унаследовал от отца его страсть к резьбе. Когда мать была жива, король постоянно дарил ей всевозможные поделки из слоновой кости: гребни, шкатулки для драгоценностей, ожерелья, кольца. И Дакс, пытаясь заслужить одобрение отца, перенял его мастерство.

– О чем это ты?

Сафира подняла бурдюк.

– Я о том, что это любопытно. Та лестонка, Роя, она ведь дочь Поющего Дома. А разве это не тот дом, где Дакс проводил каждое лето, пока…

Слова замерли у нее на губах. Но Аша знала, что хотела сказать кузина: «Пока не умерла твоя мать и лестонги не восстали против нас».

В детстве Дакс был спокойным и любознательным, но обучение давалось ему нелегко. Он поздно начал ходить и говорить. Когда пришло время учиться чтению и письму, как бы он ни старался, как бы ни пытался сосредоточиться, но не мог постигнуть ни то, ни другое. Учителя один за другим теряли терпение. В конце концов они объявили королю, что с его сыном не все в порядке. «Дакс просто неспособен усваивать знания и умным не будет», – сказали они. Пустая трата времени.

Тогда мать отправила Дакса к своей давней подруге Дэсте, хозяйке Поющего Дома. С тех пор каждое лето он проводил в Редколесье, обучаясь вместе с ребятами в доме Дэсты, где учителя были более настойчивыми и терпеливыми.

Но мать умерла, мир между Фиргаардом и Редколесьем рухнул, обитатели Поющего Дома превратились во врагов, и Дакс вместо почетного гостя стал пленником.

Аша не знала всех подробностей этой истории: он отказывался рассказывать. Но она была уверена, что та боль живет в нем до сих пор.

Запрокинув голову, Сафира с наслаждением пила воду.

– Я просто хочу сказать, – она вытерла подбородок, – что эта штука выглядела как знак внимания… или даже привязанности.

Слова обрушились на Ашу как камнепад в Расселине.

– Дакс, – фыркнула она, – влюбился в лестонку?

Сафира лишь неопределенно махнула рукой: дескать, всего лишь рассказала тебе об увиденном.

– Даже если он действительно смастерил для нее этот кулон, ты же его знаешь, – сказала Аша. – Он флиртует со всеми подряд. Это ровным счетом ничего не значит. А эта Роя… гордая, утонченная. Она из королевской семьи и явно не из тех, кто будет это терпеть.

– Но меня беспокоит вовсе не Роя, – тихо произнесла Сафира, пристально глядя Аше в глаза.

Та нахмурилась, прочитав в ее взгляде то, что осталось невысказанным.

Странно, что Дакс вернулся вместе с лестонгами. Непохоже, что он сам, в одиночку, смог уговорить их приехать. А если Дакс действительно влюбился в Рою и она это поняла и воспользовалась его чувствами, чтобы подобраться как можно ближе к королю?

Сердце Аши сжалось при этой мысли. Ведь при всей своей напускной смелости ее брат – добрая и бескорыстная душа. И кто может знать о настоящей причине, почему он ввязался в драку с помощником Джарека? Не потому, что был пьян. Дакс узнал, что этот помощник избил Сафиру так, что она три дня не могла встать с постели.

Брат Аши, может быть, и был безрассудным глупцом, но он тот, кто готов сделать все, что в его силах, чтобы уберечь близких людей от боли.

Аша взглянула на кузину.

– Мне нужно, чтобы ты присмотрела за ним. Будь рядом и проследи, чтобы он не попал в неприятности.

– Мы можем вместе за ним наблюдать.

Но Аша не могла: ее ждала охота на дракона.

Она подошла к краю крыши и посмотрела вдаль, за городскую стену, где у горизонта поднималась горная гряда. Утренний туман клубился в каменистых ущельях и зеленых долинах. Бледный серп убывающей красной луны все еще висел над городом.

Через шесть дней она исчезнет полностью, и с того самого дня Аша навсегда будет принадлежать Джареку. Если бы у нее было больше времени…

– Сейчас меня ждут дела.

Аша отвернулась и подняла мечи.

Она чувствовала спиной взгляд кузины. Та молчала, сдерживая вихрь вертящихся на языке вопросов.

Но Аша все равно их слышала.

– Как только я это сделаю, я обязательно обо всем тебе расскажу, – сказала она. – Обещаю.

Она знала: Сафира ее никогда не предаст. Это было так же верно, как и то, что в глубине ее сущности таились древние напевы. Но если король драконов узнает, что Сафира знала о намерении его дочери совершить преступление, для нее наступит конец. Аша не могла поставить кузину в ситуацию, когда ей понадобится великодушие короля, ибо для Сафиры оно было исчерпано.

Чем меньше она знает, тем в большей безопасности находится.

Напев о предостережении

Когда-то в королевском дворце жила невольница по имени Лилиан. Как все отлично вышколенные служанки, она склоняла перед хозяевами голову и делала, что ей велели. Она старательно прислуживала королеве драконов, была терпелива и внимательна, одевала ее, купала, заплетала длинные волосы и сбрызгивала шею душистой розовой водой. И, как и подобает служанкам, Лилиан умела быть незаметной.

Младшего сына королевы драконов звали Райан. Как и другие молодые знатные драксоры, он носил только изысканную одежду и пил лучшие вина, объезжал самых норовистых жеребцов и делал ставки на самых сильных драконов, бившихся на арене. Как и все обаятельные молодые люди, Райан не был обделен вниманием женщин.

Однажды утром, вернувшись с конной прогулки, он шел через апельсиновый сад, окружавший дворец его матери, и вдруг замер как вкопанный: кто-то пел. И женский голос был удивительно чистым и мелодичным, словно соловей заливался в роще.

Райан затаился в зелени цветущих деревьев. Взгляд его был прикован к босоногой невольнице в развевающемся платье, кружившейся под звуки собственной песенки. Как завороженный он смотрел на незнакомку, пока она не собрала полную корзинку апельсинов и не убежала во дворец.

С тех пор каждое утро Райан приходил в сад, прятался за деревьями и ждал служанку своей матери. Он желал только одного: видеть ее – и совсем не хотел себя обнаружить.

Но однажды это произошло. Танец девушки прервался на полушаге, песня перестала звучать на полуслове. Лилиан убежала. Райан бросился за ней, пытаясь объяснить: он не специально следил за ней в тот день. Он и не думал каждый день возвращаться сюда.

Ему просто нравилось слушать ее песню, смотреть, как она танцует. Это было похоже на созерцание подрагивающей водной глади тихого озера – умиротворяющее, трогательное зрелище, приносящее покой.

Он догнал ее у стены; она стояла, прижавшись к холодным камням, дрожащая, прячущая полные страха глаза. Когда он подошел, она рухнула на колени и умоляла пощадить ее. Смутившись, Райан попросил, чтобы она встала.

И вдруг, в одночасье, он все понял: она думала, что он хочет взять ее силой, как дикий жеребец. Эта мысль огрела его как плеткой.

Райан ушел.

Лилиан осталась одна. Она поднялась с земли и пошла в опочивальню своей хозяйки, невольно высматривая по дороге сына королевы драконов – но его и след простыл.

На следующее утро, после пробуждения, Лилиан увидела у своей постели несколько срезанных веток апельсинового дерева с распустившимися цветками – нежные белые лепестки в виде звездочек – и записку: «Прости меня».

Лилиан вернулась в сад. Райан стоял там, отвернувшись, разглядывая темные кроны, нависающие над ним. Она могла бы уйти прямо сейчас, и он никогда не узнал бы, что она приходила. Но она осталась. Лилиан произнесла имя младшего сына королевы драконов, и Райан обернулся. Увидев ее, он просиял.

Когда он шагнул к ней, она не стала убегать. Она позволила ему вдоволь на себя наглядеться, а пока он смотрел, протянула руку и коснулась его волос, потом щеки, подбородка…

С того самого дня они ловили взгляды друг друга, когда случайно сталкивались во дворе, едва заметно касались руками в узких темных коридорах. Под покровом ночи, в глухих садах, заброшенных беседках и на полуразрушенных террасах Лилиан и Райан дарили друг другу любовь.

Вскоре внутри Лилиан зародилась новая жизнь. Но разве королевская служанка имеет на это право? Лилиан не удалось скрыть беременность: ее выдал слуга, такой же, как и она, из скраллов. Рассчитывать на милосердие драконьей королевы не приходилось, как бы она ее ни умоляла. Райан не знал об этом: в тот день он объезжал скакуна в пустошах, далеко за пределами города. Но слухи быстро добрались и до него. Он помчался обратно в Фиргаард, влетел в ворота и погнал жеребца по узким мощеным улочкам во дворец. Он ворвался во двор и, на ходу соскочив с коня, помчался по длинным коридорам в тронный зал.

– Я люблю ее, – заявил он матери, – и хочу на ней жениться.

Наверное, он был очень юн или совсем потерял от любви голову. Мать рассмеялась ему в лицо.

Райан пытался защищаться. Он был не просто увлечен Лилиан. Это была даже не любовь, а нечто большее. Любовь – это чувство между мужем и женой. Но в день, когда в цветущем саду Райан увидел Лилиан, он понял, что чувствовал Первый Намсара, когда впервые взглянул на хику – свою избранницу, свою вторую половинку, ту, что была создана для него Седым Ольном, ту, что верховный бог даровал ему.

Райан пытался объяснить матери, что Лилиан – не просто смазливая служанка, она принадлежит ему, она его хика. Мать велела ему убираться вон.

Королева драконов дождалась рождения малыша. Но больше она не позволила прожить своей невольнице ни дня. Лилиан вывели на центральную площадь города и сожгли заживо на глазах у всего народа и младшего сына королевы. Райан не мог помочь своей возлюбленной: его крепко держали королевские солдаты.

Спустя три дня Райан покончил с собой. Он лежал бездыханный рядом со своей плачущей малышкой. Девочка носила имя, данное ей матерью: Сафира.

А еще через три дня королеву драконов нашли мертвой в своей постели. Кто-то говорил: она умерла от стыда. Другие утверждали, что от горя. Но не так важно было, что именно убило королеву. Главное заключалось в другом: сын королевы драконов посмел полюбить невольницу, и ни для кого это не закончилось добром.

7

Скорым шагом Аша шла к северным воротам. Путь ее пролегал по узким улочкам через новый квартал, выстроенный около храма. После нападения Кодзу пожар бушевал в Фиргаарде три дня; здесь не осталось ни одного целого дома, и отец приказал отстроить все заново. Почти шесть лет сотни невольников трудились день и ночь, пока наконец эта часть города не возродилась из пепла. Сейчас здесь повсюду царил зеленый цвет – цвет возрождения и нового начала. Невольники выкрасили стены домов в зеленый в память о тех, кто погиб в огне.

Улицы все сужались; в некоторых местах между стенами домов едва могла протиснуться ослиная повозка. Аша вышла на торговую площадь, к самому большому городскому рынку. Прилавки торговцев облепили дома, выстроившись неровными, петляющими рядами. Горы шафрана, аниса и паприки вздымались из полотняных мешков; резкий запах кожи ударил в нос Аше, когда она проходила мимо торговцев обувью, их сменили ряды с тканями, и в глазах зарябило от пестрых шелковых отрезов, колыхающихся на ветру.

Рынок тянулся далеко вперед, а сразу за ним возвышались белоснежные стены храма, уходившие в небесную синеву. Аша почти добежала до них, как внезапно путь ей преградила немолодая женщина. Она упала перед девушкой на колени и склонила голову. Аша заметила полоски сажи, въевшиеся в морщинистую кожу, почерневшие ногти, вдохнула кисловатый запах железа, исходивший от одежды незнакомки: очевидно, та была кузнецом.

– И-Искари, – запинаясь, проговорила женщина, прижимая к груди кожаный мешок, – я п-принесла их для тебя.

Мимо них по разным делам сновали невольники. Аша чувствовала их любопытные взгляды. Женщина-кузнец на коленях посередине дороги привлекала слишком много внимания.

– Встань.

Женщина покачала головой и вытащила из мешка нечто, завернутое в перепачканную сажей дерюгу и перевязанное бечевой.

– Пожалуйста, возьми их.

Аша взглянула на протянутый узел. Странная, знакомая форма…

От внезапной догадки волосы зашевелились у нее на затылке.

Онемевшими руками она приняла дар незнакомки и, едва успев почувствовать его тяжесть, поняла, что это.

– Я работала всю ночь и управилась к рассвету, – сказала женщина-кузнец. – Сам Седой Ольн научил меня, как их выковать.

Аша застыла, окидывая взглядом двери и окна ближайших домов. Их обитатели глазели на происходящее, но, встретившись взглядом с Искари, тут же прятались за цветастыми занавесками и деревянными ставнями.

Аша крепче прижала узел.

– Кто-нибудь слышал, как ты их ковала?

Женщина уставилась на булыжники мостовой.

– Я часто работаю по ночам, Искари. Если кто и слышал, то не подумал ничего странного, будь уверена.

– Никому об этом не говори, – велела Аша женщине.

Не поднимая головы и не вставая с колен, та кивнула. Аша обошла ее и поспешила к воротам.

С охранниками на воротах не возникло никаких заминок, но Аша слышала, как они переговаривались, отмыкая тяжелые, обитые железом двери.

– А где ее невольники? – вполголоса спросил один другого.

– И разве она не вернулась с охоты только что? – буркнул в ответ второй.

Искари никогда не выходила на охоту без своих невольников-звероловов. А сегодня – одна, хоть и в своих доспехах и топор висит на бедре. Опять идет в сторону Расселины, а ведь прошел всего день после возвращения с добычей: как-то подозрительно.

Они могли сколько угодно шептаться за ее спиной, гадая, куда и зачем она идет, но не могли ее остановить, потому что Аша была Искари. А вот рассказать Джареку они могли. Ну и пусть.

При мысли о Джареке у нее внутри все сжалось. Она ускорила шаг, углубившись в чащу деревьев, где в разные стороны разбегались охотничьи тропы. «Когда я вернусь с головой Кодзу, все эти воспоминания и раздумья уйдут в прошлое».

Аша все еще торопилась, как будто кто-то мог бежать за ней следом.

Под ногами ее шуршал ковыль; ветер свистел в поскрипывающих кронах раскидистых кедров. Если ей придется призвать напевом дракона, самого опасного и свирепого, она должна уйти как можно дальше от города. Аша обязана исправить свою ошибку, а не повторить ее.

* * *

К полудню она добралась до первых отрогов Расселины, подсвеченных послеобеденным солнцем. Фиргаард остался далеко позади: короткая полоска городских стен едва виднелась у самого горизонта. Аша положила на большой валун узел, сняла бечевку и откинула ткань.

Пара клинков открылась ее взору: черные, как ночь, изящные, как посеребренная луна, с рукоятками из слоновой кости, инкрустированной бронзой и золотом.

Внутри узла с серпами оказался еще один небольшой сверток. Аша развернула его и увидела плечевую перевязь с кожаными ножнами. Она надела ее и вложила оба клинка, один за другим, в ножны, так что они перекрестились за ее спиной.

Вот теперь она готова. У нее есть всего шесть дней, чтобы выследить и убить Кодзу, время терять непозволительно. Дракона видели здесь, в горах Расселины, значит, прочитав древний напев, она сможет его выманить. Но какой именно напев захочет услышать самая злобная из этих тварей? Про себя самого? Про Элорму, Первого Намсару?

Аша сошла с охотничьей тропы и двинулась вверх по отрогам, поросшим соснами и густым ельником. Путь без конца преграждали спутанные плети плюща, обвивающие деревья; ей приходилось рубить их и протискиваться дальше. Пока она поднималась все выше, она вспоминала древний напев, вытягивая строчку

за строчкой из недр памяти, словно вычерпывая из колодца полные ведра, правда, не воды, а яда. Наконец она выскочила на открытую каменистую площадку и приготовилась запеть, но так и осталась стоять с открытым ртом.

На обширном плато, свернувшись кольцом, лежал и грелся дракон. Под лучами солнца его чешуя из бежевой постепенно превращалась в темно-серую. За спиной дракона плато полого спускалось в долину, утопающую в зелени, с бегущей по ней извилистой горной речкой.

Дракон повернул голову. Аша замерла. Его ноздри раздулись, и в воздухе повис запах дыма. На голове дракона едва проглядывали рога, выдавая молодую особь. Судя по невзрачной окраске чешуи, это была самка. Она угрожающе щелкнула зубами и развернулась всем телом к Аше.

Молодые драконы более склонны к агрессии. В случае опасности они скорее нападут первыми, чем попытаются скрыться. Эта самка не была исключением. Она широко расправила крылья – так, завидев врага, распушает свой хвост индюк, чтобы казаться больше и страшнее.

Тень от крыльев закрыла Ашу. Сквозь прозрачные перепонки просвечивало солнце, обнажая сцепленные кости. Дракониха зашипела. Пальцы Аши сжались вокруг рукоятки топора. В любой другой день она посчитала бы удачей вот так, запросто, наткнуться на дракона.

«Чем скорее я убью тебя, тем быстрее выманю Кодзу». Аша сжала зубы. Резко опустив забрало шлема, она отстегнула ремешок у топора, но вдруг остановилась, потом медленно протянула руку за спину и взялась за рукоятку серпа, слегка потянув его из ножен. Сердце забилось чаще, кровь забурлила.

В памяти всплыло предупреждение Элормы: серпы-убийцы можно использовать только для исправления ошибок. «Так именно это я и делаю», – подумала она. Она выхватила священный клинок – солнечный свет, отраженный от лезвия, на мгновение ослепил дракона, и Аша ринулась вперед. Но дракон проворно увернулся и, прошуршав чешуей по камням, оказался за спиной Аши. Она рухнула на землю и перекатилась кувырком, едва успев увернуться от утыканного шипами хвоста, который дракон обрушил на нее. Она хорошо помнила первое правило охоты на драконов: ни на секунду не упускай из вида драконий хвост.

Дракониха разинула пасть и бросилась на нее снова, рассчитывая схватить до того, как она сможет подняться на ноги. Аша метнулась в сторону – зубы зверя схватили пустоту. Она перевернулась на спину, прижалась к груде камней. Прямо перед ней оказалось беззащитное, белое, словно яичная скорлупа, драконье брюхо. Не раздумывая Аша вонзила серп в мягкую плоть.

Затем произошло следующее. Дракониха пронзительно завизжала и судорожно захлопала крыльями, цепляясь за камни. А руку Аши пронзила такая боль, что ее крик слился с драконьим. Пальцы разжались сами собой, выпустив серп. Самка захромала к краю плато.

Тяжело дыша, Аша попыталась сесть, помогая себе обожженной рукой. Другая рука безжизненно висела вдоль тела. Боль быстро прошла, но вместе с ней исчезла любая чувствительность. Аша не чувствовала руки?, не могла сжать пальцы, словно у нее вообще не было одной верхней конечности.

Серпы-убийцы можно использовать только для исправления ошибок. Она снова попыталась пошевелить рукой: бесполезно. Элорма обманул ее. Внутри Аши клокотала ярость, она вскочила и вложила в крик всю свою ненависть к Седому Ольну.

– Предатель!

Эхо повторило ее крик, ветер покружил его по горам и унес прочь. Аша обернулась. На краю плато неподвижно лежала молодая самка. Возможно, она еще жива. Вдруг Аша только ранила ее?

– Пожалуйста, только не умирай, – шептала она, подходя к драконихе.

Но когда она ухватилась за рукоятку торчащего серпа и вытащила его из тела зверя, ей под ноги хлынула черная кровь. Аша рухнула на колени возле покоящейся на камнях драконьей головы с остекленевшими глазами. Ее левая рука онемела, правая обожжена. Как теперь она собирается выслеживать и убивать Кодзу?

Окровавленный черный клинок лежал у нее на коленях. Вдруг ее пронзила мысль: сбросить оружие с отрогов гор, куда-нибудь в ущелье.

Если Седой Ольн думает остановить ее с помощью обмана, он ее недооценивает. Аша была той десятилетней девчонкой, что призвала самого страшного из драконов и почти уничтожила целый город. Аша за свою жизнь убила больше драконов, чем любой другой охотник. Она представляла настоящую опасность, и лучше бы верховному богу с ней не шутить. Ибо, здоровая или покалеченная, она отыщет Кодзу и принесет его голову отцу. Она разрушит древний уклад, даже если это будет последнее, что она сделает в жизни.

8

– Ты можешь сидеть спокойно?

Аша прислонилась к прохладной стене, подчиняясь кузине, пока та меняла повязку на ожоге. Ее онемевшая рука безжизненной плетью висела вдоль тела. После возвращения из гор Расселины она пошла прямиком в комнату Сафиры и теперь выслушивала ее ворчание.

Хотя комната кузины находилась в женском крыле королевских покоев, она казалась тесной и мрачной. Штукатурка на стенах пожелтела и местами потрескалась, террасы не было, а крошечные окошки, затянутые вместо стекол полупрозрачной тканью, едва пропускали солнечный свет. До того как начались бунты, здесь жили слуги королевы драконов, но теперь на ночь их сгоняли на пашни, огороженные частоколом, и приставляли охрану.

– Надеюсь, ты расскажешь, как это произошло, – нахмурившись, Сафира поглядывала на безжизненную руку Аши, привычными движениями бинтуя раны. Аша смотрела, как кузина обматывает ее кисть, и вспоминала детство. Они с Сафирой любили прятаться в саду, в кустах жимолости, где, прижавшись друг к другу, хихикая и зажимая рты, они следили, как няня суматошно мечется по всему дворцу в поисках королевской дочки, отчаянно выкрикивая ее имя. А по ночам они частенько забирались на крышу, ложились рядышком и придумывали названия всем звездам подряд. Но когда умерла мать, все прекратилось. Мать была одной из немногих, кто не так фанатично и строго требовал соблюдения законов, касающихся скраллов.

– Готово, – сказала Сафира, завязывая концы бинтов. – Ну как?

Аша подняла забинтованную руку: в повязке она казалась в два раза толще. Топор лежал на полу; слабыми пальцами она попробовала поднять его и почувствовала, как при малейшем движении кожа стягивается и саднит, но, по крайней мере, она смогла его удержать. Вряд ли у нее получится управляться с топором так же ловко, как и прежде, но это лучше, чем ничего.

Только Аша собралась сказать кузине «спасибо», как раздался громкий стук в дверь.

– Саф!

Это был голос Дакса, и в нем явно слышалась паника. Аша и Сафира переглянулись. Сафира вскочила и подошла к двери.

Дакс ввалился в комнату задыхающийся и обессиленный. По его вискам струился пот, мокрые кудри прилипли к лоснившемуся лбу. Светлая туника была заляпана кровью.

Неожиданно Аша поняла, кого он ей напоминает.

Мать.

За несколько дней до смерти она исхудала настолько, что превратилась в скелет, обтянутый кожей, с запавшими глазами, острыми скулами, горевшими болезненным румянцем. Аша вспомнила ее надсадный кашель, изматывающий всю ночь. Вспомнила, что в самом конце вместе с кашлем начала выходить кровь, целые реки крови.

Аша поднялась на ноги – непростая задача, если одна рука обожжена, а другая бесполезно висит вдоль тела.

– Что случилось? – вскрикнула Сафира. – Ты ранен?

– Я совершил ужасную ошибку. – В ввалившихся глазах Дакса плескался страх.

Заметив тревогу на лице Аши, он опустил взгляд на кровь на своей груди.

– Это не моя, – начал он и умолк, глядя на забинтованную руку сестры.

Сафира не дала ему спросить об этом.

– Так что случилось? – повторила она.

Он посмотрел Аше в глаза.

– Мне нужна твоя помощь.

Неужели лестонги? Они напали на него? Аша выпрямилась и сжала губы.

– Это Торвин.

Имя ей было незнакомо.

– Кто?

– Слуга Джарека, – пояснила Сафира.

Аша вспомнила этого невольника: пронизывающий взгляд, веснушки, как звездочки, длинные пальцы, перебирающие струны лютни. Торвин.

– Я думал, у меня получится его остановить, – Дакс неуверенно потер шею. – Ты же знаешь Джарека. Как только он видит, что кто-то тебе небезразличен…

– Он тут же делает ему больно, – задумчиво закончила Аша.

Дакс безвольно опустил руки и шагнул к ней.

– Нужно, чтобы ты помогла ему.

Аша покачала головой.

– Дакс, ты – наследник трона. Ты не обязан заботиться о нем. Он невольник.

Сафира быстро взглянула на нее.

– Что? – Аша встретила взгляд кузины, при брате это было неопасно. – К тебе это не имеет отношения, Саф.

В этом была слабость Дакса. Слабость гораздо хуже безрассудства, драк, волокитства за женщинами, азартных игр. Дакс не умел мыслить как король. Он, скорее, чувствовал себя этаким… героем, чересчур сентиментальным, добросердечным, мягким внутри. Это могло причинить ему вред.

– Аша, умоляю тебя.

Короли не умоляют.

– Если я попрошу Джарека оставить Торвина в живых, он убьет его назло. Но если попросишь ты…

– Ты серьезно просишь меня заступиться за дерзкого скралла и отменить наказание, которое он явно заслужил?

Аша внимательно всматривалась в брата. Дакс весь прошлый месяц провел в Редколесье, ел и пил вместе с религиозными фанатиками, отказывающимися иметь невольников. Так, может, переговоры с лестонгами закончились не его победой и это не он склонил их на свою сторону, а они – его?

– Он не… – начал Дакс, сжимая кулаки.

Но тут же разжал их. Он смотрел так, словно хотел схватить Ашу за плечи и потрясти.

– Он страдает из-за тебя, как ты не понимаешь? Потому что коснулся тебя на глазах у Джарека, на глазах у всех, – тонкие ноздри Дакса раздулись. – Если бы он не поймал тебя тогда, ты бы расшиблась.

– Он не просто поймал меня, – сквозь зубы процедила она, вспомнив его прямой, бесстрашный взгляд. «Один танец, – потребовал он тогда. – Время и место на мое усмотрение».

– Завтра его отправят в волчью яму, и оттуда он уже не вернется, – сказал Дакс.

Можно подумать, смерть слуги в волчьей яме могла вызвать ее сочувствие. Невольники умирают там каждый день.

– Преступнику там самое место.

Но в памяти вдруг всплыло биение сердца возле ее щеки, а еще – ощущение защищенности, когда чьи-то сильные руки крепко тебя держат. Восемь лет прошло с тех пор, как она слышала биение сердца другого человека. Тогда ее держали такие же заботливые руки.

– Тебе же ничего это не стоит, Аша.

Она ненавидела, когда Дакс так на нее смотрел: словно ее внешность подтверждала его самые страшные предположения, как будто он осознавал, какой она на самом деле монстр.

Это напомнило ей легенду о двух близнецах: один был создан из небесной синевы и чистого эфира, другой – из крови и лунного света. «Если Намсара нес смех и любовь, – вспомнила Аша, – то Искари приносила разрушение и смерть».

Сафира подошла и встала рядом с Даксом.

– Я согласна с твоим братом, – сказала она.

Аша уставилась на кузину, не ожидая такого предательства.

– Джарек, если вы помните, – командующий, – не сдавалась она. – Он обязан следить за соблюдением законов. А этот слуга – его собственность.

В памяти тут же всплыли руки скралла, осторожно перевязывающие ее ожоги. Аша отогнала воспоминания прочь.

– Я ничего не смогу сделать.

– Чушь собачья! – воскликнул Дакс. – Ты можешь хотя бы попытаться.

Она насупилась.

– Пожалуйста, Аша. Сколько еще я буду тебя умолять?

Последний случай, когда ее брату пришлось умолять, произошел в детстве. Аша стащила любимый меч Джарека и случайно утопила его в сточной канаве. Дакс тогда взял вину на себя. Джарек заставил его просить прощения. Он приказал ему встать на колени и прижал ногой к полу, пока полностью не насладился его унижением, а Аша все это время смотрела на брата со слезами на глазах, не находя в себе мужества сознаться.

Дакс, должно быть, почувствовал, что она сомневается.

– Единственная его слабость – это ты, Аша, – продолжил он. – Используй это. Очаруй его, соблазни, сделай то, что делают все девушки, чтобы получить желаемое.

При этих словах Сафира в ужасе отшатнулась от него. Аша скривила губы. При мысли о том, чтобы соблазнить Джарека, у нее засосало под ложечкой.

– Или… не все, – произнес Дакс, заметив выражение их лиц.

– У меня нет на это времени, – отрезала Аша, подумав об убывающей красной луне.

Ей необходимо поймать дракона и сделать это за шесть дней. Нужно возвращаться в горы Расселины. Она двинулась мимо брата к двери.

– Постой…

Она не остановилась.

– А если я отдам тебе это?

Аша остановилась перед дверью: трухлявые доски, медная ручка потускнела от времени. Если кто-то захочет ворваться к Сафире в комнату, то без труда вышибет это старье. Нужно заменить.

– Оно принадлежало матери.

Она повернулась к Даксу. Он снял с исхудавшего пальца выточенное из слоновой кости кольцо. Но не оно приковало внимание Аши.

Кольцо лежало на его открытой ладони, но она смотрела на пальцы брата: мозоли на кончиках, такие же, как у слуги Джарека, – вот что она сразу заметила.

– Его смастерил отец.

В сердце Аши закралась ревность. После смерти матери все ее вещи сожгли. Почему это кольцо осталось? И почему его хранил Дакс?

– Отец отдал его мне, когда я уезжал в Редколесье.

Дакс шагнул ей навстречу.

– Если ты освободишь Торвина, я тебе его отдам.

Перед глазами Аши встало лицо умирающей матери, отравленной древними напевами. У нее не осталось ни единой вещицы в память о ней. Почему отец отдал ее кольцо Даксу?

«Потому что я его не заслуживаю. Потому что, если бы не я, она никогда не стала бы произносить древние напевы вслух. Если бы не я, она была бы жива».

Может быть, Аша и не заслужила права хранить кольцо своей матери, но она страстно его захотела. И пусть она никогда не признается и вообще с трудом понимает почему, но ей вдруг захотелось, чтобы одно сердце продолжало биться.

– Договорились.

На лице Дакса расцвела улыбка, но это ее совсем не обрадовало. Наоборот, улыбка еще больше показала, как исхудало его лицо. «Что же там у него произошло?» – в очередной раз подумала Аша. Она отогнала вопрос и взялась за ручку двери. Сафира бросилась за ней следом, но Аша отрицательно покачала головой.

Кузине ни в коем случае нельзя идти с ней. Если уж Аша собирается вмешаться в дела Джарека с его непокорным слугой и спасти последнему жизнь, она сделает это без Сафиры, ибо ее присутствие тут же натолкнет командующего на мысль, как можно наказать Ашу за это вмешательство.

Выходя в темный коридор, освещенный лишь парой факелов, отбрасывающих на стены и потолок призрачные тени, она услышала, как Дакс спросил:

– Что у нее с рукой?

– Она не сказала, – ответила Сафира.

Аша плотно прикрыла за собой дверь.

9

Не успела Аша постучать, как парадная дверь дома Джарека открылась. Седая служанка, сгорбившись, стояла на пороге. Ее морщинистые щеки блестели от слез. Присутствие старухи в доме командующего удивило Ашу. По закону, после захода солнца все дворцовые слуги должны находиться на пашнях.

– Мне нужен командующий, – сказала она и, распахнув дверь шире, прошла в роскошный холл.

В воздухе витал аромат розовой воды, узорчатые ковры мягко касались ее ног, в свете масляных ламп стены отливали яркой бирюзой. По дому разносился яростный крик, сопровождаемый звуком, который ни с чем не спутаешь: резким свистом шаксы – скрученной из нескольких веревок плетки с привязанными на

концах костяными осколками. Аша слышала, как плеть снова и снова ударяет по телу.

Старая невольница всхлипнула за ее спиной. Не останавливаясь, она прошла через холл и открыла тяжелые двери из кедра, богато украшенные слоновой костью и бронзой, что вели в личные покои хозяина.

Пройдя несколько комнат, она вышла в маленький внутренний дворик в самом центре дома командующего, где ее окутал тяжелый аромат магнолий. И там Аша увидела невольника.

Он стоял пошатываясь в неглубокой чаше фонтана. В дрожащем свете фонарей, висевших в галерее, она заметила, что руки скралла привязаны к статуе. По его спине стекала кровь, окрашивая воду в темно-розовый цвет. Джарек неторопливо прохаживался перед фонтаном, спиной к ней. Он снял тунику; мускулы перекатывались под лоснящейся от пота кожей.

– Ну что, скралл, – невнятно бормотал он, – это того стоило?

Аша отступила назад и прижалась спиной к стене, пытаясь унять колотящееся сердце.

Да, она Искари. Она охотится на драконов и приносит их головы, но Джарек контролирует армию ее отца. Все солдаты в городе безраздельно ему преданы. И по абсолютно непонятной причине он совсем ее не боится.

Аша могла бы развернуться и уйти. Она вовсе не обязана это делать. В конце концов, невольник сам виноват. Ему не стоило ее трогать.

– Пожалуйста, Искари…

Аша вздрогнула. Служанка, не смея поднять головы, отчаянно протянула к ней трясущиеся руки. Губы ее дрожали.

– Пожалуйста, помоги ему…

Джарек гортанно выкрикнул, и шакса снова со свистом рассекла воздух. Аша с опаской оглядела двор. В углу валялась лежанка с отломанной ножкой, над которой нависали кусты с распустившимися цветами. «Очаруй его, – предложил Дакс. – Соблазни».

Но Аша не знала, как это делать. Она была всего лишь охотницей. Она знала все об убийствах, но ничего – об обольщении. Аша вспомнила, как невольник прикоснулся к ней в лазарете, как он поймал ее во дворе на приеме у отца, как осторожно держал у своей груди: будто совсем не боялся. Ей стало стыдно. Если даже он не боялся – ни Аши, ни закона, ни того, что хозяин забьет его до смерти, – как же может бояться она? Она же носит имя Искари.

Джарек сплюнул себе под ноги и, шатаясь, двинулся к лежанке. Вытерев полотенцем лицо и шею, он вернулся к своей жертве. Чем дольше Аша будет ждать, тем быстрее невольник распрощается с жизнью.

Плетка заработала с новой силой. Мучительные стоны невольника заставили Ашу содрогнуться и прикрыть глаза. Раненой рукой она вытянула серп из-за спины. Каждое движение причиняло тупую боль, но Аша лишь стиснула зубы и сильнее сжала пальцы вокруг рукоятки.

Как только Джарек в очередной раз занес шаксу над головой, готовясь ударить, она шагнула вперед и поймала взметнувшуюся плеть на острие серпа. Рука Джарека дернулась назад, он резко обернулся и прищурился. Лицо его исказилось от злобы. Мутным взглядом он обвел двор, и Аша поняла, что он пьян.

– Кто здесь?

Чаша фонтана была залита кровью. Звук тихо журчащей воды казался неуместным.

– Хватит, – сказала Аша и сама удивилась твердости в своем голосе. – Ему достаточно.

Лицо Джарека потемнело.

– Я прекрасно знаю свои права, – прорычал он, снова пытаясь взмахнуть шаксой, но та не поддалась.

– Ты его убьешь.

Как Аша ни старалась, голос предательски дрогнул, и Джарек вдруг успокоился.

– С каких это пор тебя волнует здоровье моих невольников? – он перевел взгляд с Аши на скралла и скривился. – Думаешь, я забыл, что у вас это семейное?

Три медленных удара сердца – и она поняла, что он имеет в виду: Райан, ее дядя, юноша из драксоров, влюбленный в девушку из скраллов.

– Может, мне стоит учесть это, когда мы поженимся? – Джарек пошатнулся, но ухватился за ствол лимонного деревца и выпрямился. – Моя жена флиртует с моими слугами в моем собственном доме?

Она постаралась, чтобы ее слова прозвучали как можно спокойнее:

– Ничего глупее этого я от тебя не слышала.

Джарек взглянул на полумертвого невольника.

– Отвратительно.

Бросив шаксу, он схватился за нож, висевший на поясе.

– Я не буду этого терпеть, – прорычал он и двинулся к фонтану.

Сердце Аши екнуло. Она бросила серп с намотанной шаксой и достала из ножен второй. Рука вновь дала о себе знать, но это ее не остановило.

Аша оказалась у фонтана быстрее Джарека хотя бы потому, что, в отличие от него, была трезвой. Она встала между ним и слугой, подняв серп. Даже будучи пьяным, Джарек был намного сильнее ее. Еще и больная рука… Поэтому она сделала первое, о чем подумала. Едва он обрушился на нее, Аша со всей силой

ударила рукояткой серпа ему в висок.

Они с такой силой рухнули на каменные плиты двора, что Аша задохнулась. Джарек, оглушенный ударом, пригвоздил ее своим телом к земле, словно груда камней, сошедшая на охотничью тропу в горах. Одни сплошные мускулы. Аша лежала под ним, одной щекой прижимаясь к холодному камню, а другой – к горячей, потной коже его груди. Она пыталась вздохнуть и не могла. Он придавил ее.

Она пиналась и дергалась, пытаясь столкнуть его с себя. Серп валялся в нескольких шагах, но она не могла до него дотянуться. Аша задыхалась, в глазах темнело. Из последних сил она пыталась перевернуться – тело не слушалось. Она уже начала терять сознание, как вдруг две руки схватили Ашу за плечи и попытались вытащить из-под командующего. Старые, сморщенные, трясущиеся руки.

У служанки не получилось вытащить Ашу из-под Джарека, и тогда она с удивительной, неженской силой столкнула его тело с нее. Она хватала воздух ртом. Джарек лежал на полу без сознания.

На волосах вокруг его виска показалась кровь, но он был жив. Аша видела, как вздымается его грудь и пульсирует вена на шее. Она не имела ни малейшего представления, опасна ли его рана и сколько он может пролежать в отключке, поэтому быстро поднялась, подобрала свои серпы и сунула их в ножны. Подняв с пола нож Джарека, она бросилась к фонтану. Прошлепав по кровавой воде, она рассекла ножом веревки, удерживающие руки слуги. Едва те лопнули, скралл рухнул в воду. Аша швырнула нож в чашу фонтана и склонилась над ним, пытаясь закинуть его руку себе на плечо.

– Помоги мне.

Он взглянул в ее лицо, но не ответил. Глаза его медленно закрылись, словно он начал терять сознание.

– Нет, держись.

Невольник открыл глаза.

– Искари, – прошептал он потрескавшимися губами, – я сплю?

– Положи руку мне на плечо.

Он послушался.

– Теперь держись крепче и вставай.

Аша не ждала ответа, лишь удерживала его, помогая подняться. Его шатало, пока они брели к краю чаши, а когда он попытался перелезть через него, чуть не упал. Она едва удержала его искалеченной рукой, которую снова пронзила боль.

– Слушай, – прошипела она сквозь зубы, – пошевеливайся, если хочешь выйти отсюда живым.

Он кивнул и шумно вдохнул воздух, собираясь с силами. Каждый шаг давался ему с трудом, он спотыкался и тяжело наваливался на Ашу. Им нужно было уходить, пока Джарек не пришел в себя и не наступил рассвет. При свете дня Аша не сможет незаметно пройти по улицам города, таща на себе полуживого слугу своего жениха. Люди увидят и сразу же начнут судачить. Нужно двигаться быстрее.

Старая служанка откуда-то принесла багряный плащ Джарека и накинула невольнику на плечи, заодно прикрыв голову капюшоном.

– Куда ты поведешь его, Искари?

Аша не знала. Прятать его во дворце нельзя, на пашнях – тоже: сейчас там кишат солдаты. Пока они шли по коридору к выходу, Аша отчаянно пыталась придумать безопасное место, такое, где никто не будет его искать. Она подумала о своих секретах и местах, что их хранили.

Горы Расселины. Но они очень далеко. И Аша не собиралась добавлять к списку своих преступлений еще и освобождение невольника.

– Храм, – пробормотал слуга.

Аша удивленно уставилась на него. Долгие годы обитатели храма враждовали с королем драконов, но она сомневалась, что его стражи могли бы зайти так далеко и приютить беглого слугу.

– Искари, – прошептал он, – доверься мне.

У нее не было ни одной причины доверять ему, кроме той, что он хотел жить сильнее, чем хотела этого она. И Аша согласилась.

Она вывела его на пустынную улицу. Легкий ветерок обдувал его истерзанное тело, соленый запах пота смешался с тошнотворным привкусом крови. Чем скорее она отведет его в тайное убежище, тем быстрее расскажет брату, заберет кольцо матери и уйдет на поиски Кодзу.

Аша сосредоточивалась на этой мысли на протяжении всей дороги до светлой громады храма, высящейся в предрассветной темноте.

* * *

Когда-то храм был одним из самых высоких сооружений в городе. Он возвышался в сердце Фиргаарда, встроенный в отвесный обрыв горы. Но вскоре его затмил королевский дворец, храм пришел в запустение и теперь напоминал пустую раковину. Святыня обветшала и отживала свой век.

По дороге к храму их застал дождь. Если бы Аша верила в силу молитв, она бы точно вознесла одну небесам. Дождь смыл кровавый след, тянувшийся за ними. Кроме того, ее парализованная рука начала покалывать, словно кто-то втыкал в кожу тысячи иголок. К тому времени, как они добрались до храма, она могла поклясться, что способна пошевелить пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sikkarelli_kristen/posledniy-namsara-bogi-sveta-i-t-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить